

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ
АПОЛЛОНА ГРИГОРЬЕВА

подъ редакціей В. Ѳ. Саводника.

Выпускъ 14-ый.

РУССКІЯ НАРОДНЫЯ ПѢСНИ

СЪ ИХЪ ПОЭТИЧЕСКОЙ И МУЗЫКАЛЬНОЙ
СТОРОНЫ.

Типо-литографія Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К^о, Пименовская ул., с. д.
МОСКВА—1915.

Въ концѣ 1850 года Апол. Григорьевъ, вмѣстѣ съ Островскимъ, Филипповымъ, Эдельсономъ и нѣк. др., вошелъ въ составъ кружка такъ называемой «молодой редакціи Москвитянина». Одной изъ наиболѣе характерныхъ особенностей этого кружка было ярко выраженное *народное* направленіе его, сказывавшееся въ живомъ интересѣ членовъ кружка къ русской народной жизни, народной старинѣ и народному творчеству. Интересъ этотъ проистекалъ не изъ отвлеченной научной любознательности, этнографической или археологической, а коренился въ глубокомъ и непосредственномъ чувствѣ симпатіи къ родному народу, въ сознаниі своей кровнаго родства съ нимъ. Онъ придавалъ мышленію и дѣятельности всего кружка определенную окраску, которая отражалась и на руководимомъ имъ журналѣ: въ этомъ отношеніи чрезвычайно характерно, что почти всякая книжка «Москвитянина» содержала въ себѣ произведенія, посвященныя изображенію народныхъ типовъ и народнаго быта и принадлежавшія перу такихъ знатоковъ, какъ Потѣхинъ, Кокоревъ, Желѣзновъ, Стаховичъ и др.

При такомъ живомъ интересѣ ко всему народному вполне понятно то увлеченіе русскими народными пѣснями, которое проявляли многіе изъ членовъ кружка, напр., М. А. Стаховичъ, еще въ 1851 году издавшій первую тетрадь собранныхъ имъ въ Орловской, Воронежской и Тамбовской губерніи и положенной имъ непосредственно съ голоса на музыку пѣсенъ. Но главнымъ знатокомъ и неутомимымъ пропагандистомъ русской народной поэзіи былъ въ кружкѣ «Москвитянина» Тертій Ивановичъ Филипповъ, будущій государственный контролеръ, занимавшій въ тѣ годы скромную должность преподавателя русскаго языка въ Московской первой гимназіи. Обладая прекраснымъ голосомъ, изящнымъ вкусомъ, большою музыкальной памятью и тонкимъ чутьемъ къ тематическимъ и мелодическимъ особенностямъ русскихъ народныхъ пѣсенъ, онъ своимъ артистическимъ исполненіемъ ихъ болѣе всего способствовалъ распространенію среди членовъ кружка и лицъ, примыкавшихъ къ нему, любви къ народной поэзіи и правильнаго пониманія ея своеобразной красоты. О томъ впечатлѣніи, какое производило его пѣніе на слушателей, свидѣтельствуетъ, напр., Писемскій, который въ романѣ «Взбаломученное море» помѣстилъ сцену, изображающую Филиппова (подъ именемъ Тертіева) въ дружескомъ кругу, въ студенческомъ ресторанѣ «Британія». Сильное вліяніе ока-

залъ Филипповъ на поэта Мея, который, повидимому, подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ русскихъ пѣсенъ въ исполненіи Филиппова, перешелъ отъ подражанія античнымъ образцамъ къ творчеству въ народномъ духѣ, выразившемуся какъ въ многочисленныхъ стихотвореніяхъ лирическаго и эпическаго содержанія («Запѣвка», «Вихрь», «Русалка» и др.), такъ и въ его историческихъ драмахъ изъ русской старины («Псковитянка», «Царская невѣста»). Не остался чуждъ этому увлеченію русскими пѣснями и самъ Островскій, охотно пользовавшійся ими въ своихъ произведеніяхъ («Бѣдность не порокъ», «Не такъ живи, какъ хочется» и др.).

Что касается до Апол. Григорьева, то онъ самъ признавалъ вліяніе того культа народной пѣсни, который господствовалъ въ кружкѣ «Москвитянина». «Нѣтъ или мало пѣсенъ народа, мнѣ чуждыхъ,—писалъ онъ въ своей автобіографіи:—звучавшія дѣтскому уху, онѣ отдались, какъ старья знакомья, въ поздней молодости, онѣ, на время забытыя, пренебреженныя, попранныя даже, возстали потомъ въ душѣ во всей ихъ непосредственной красотѣ». Подъ вліяніемъ горячаго и искренняго увлеченія народными пѣснями, Григорьевъ со страстью принялся искать и записывать ихъ, сближался съ пѣвцами-исполнителями, изучая ихъ приемы пѣнія, стараясь проникнуть въ сущность народнаго лиризма, схватить и прочувствовать особенности русскаго пѣсеннаго склада, просиживая иногда ночи напролетъ гдѣ-нибудь въ душномъ трактирѣ, слушая пѣніе какого-либо талантливаго самородка, въ родѣ торбаниста Алексѣя или пѣвца Соболева, служившаго приказчикомъ въ винномъ погребкѣ.

Результатъ этого пристальнаго и любовнаго изученія русскихъ народныхъ пѣсенъ выразился, съ одной стороны, въ цѣломъ рядѣ записей, вошедшихъ впослѣдствіи въ Якушкинскій сборникъ, а съ другой стороны, въ обширной статьѣ: «Русскія народныя пѣсни», посвященной собранію Стаховича и напечатанной въ № 15-мъ «Москвитянина» 1854 года. Впослѣдствіи эта статья была снова пересмотрѣна авторомъ, переработана и расширена, и въ такомъ видѣ помѣщена въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1860 года (№№ 5—6), подъ заглавіемъ: «Русскія народныя пѣсни съ ихъ поэтической и музыкальной стороны». Статья Григорьева до сихъ поръ не утратила своего интереса, несмотря на позднѣйшія работы въ этой области Мельгунова, Прокунина, Линевой и др. Она обнаруживаетъ въ авторѣ замѣчательное чутье народнаго *стиля* (критика записей Сахарова), тонкое пониманіе особенностей русскаго пѣсеннаго склада, и изобилуетъ мѣткими наблюденіями и замѣчаніями по поводу тѣхъ или другихъ частныхъ вопросовъ, напр., о значеніи «запѣвокъ» и пѣсенныхъ вариантовъ, о различныхъ типахъ народныхъ пѣвцовъ, о приемахъ собранія пѣсенъ и т. д.

Русскія народныя пѣсни

съ ихъ поэтической и музыкальной стороны ¹⁾.

(По поводу собранія П. И. Якушкина).

I.

Въ 1854 году, по поводу выхода въ свѣтъ собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ покойнаго друга моего М. А. Стаховича, къ глубокому прискорбію всѣхъ знавшихъ и многихъ незнавшихъ его такъ преждевременно погибшаго для слова и дѣла ²⁾, я высказалъ въ 15 № „Москвитянина“, нѣсколько замѣчаній насчетъ собиранія пѣсенъ вообще, источниковъ этого дѣла и въ особенности насчетъ поэтической-музыкальной сущности русской нѣсни. Замѣчанія эти, несмотря на полемическія отношенія, въ которыхъ покойный „Москвитянинъ“ находился почти постоянно къ своимъ литературнымъ собратіямъ, встрѣчены были такъ благородно и радушно, какъ, можетъ-быть, они и не заслуживали—фактъ, тѣмъ болѣе въ то время отрадный, что множествомъ молодого, часто дерзкаго, иногда даже самохвальнаго, чтò было въ статьѣ, она могла бы возбудить изумленіе, гораздо сильнѣе того, какое въ недавнія времена возбудили мои идеи о допотопныхъ элементахъ въ мірѣ художественнаго творчества ³⁾.

¹⁾ „Отечественныя Записки“, 1860 г., № 4—5.

²⁾ М. А. Стаховичъ, авторъ извѣстныхъ сценъ „Ночное“, любитель и собиратель русскихъ народныхъ пѣсенъ, былъ убитъ въ 1858 году своимъ бурмистромъ съ цѣлью грабежа.

³⁾ Нѣсколько неудачный терминъ, впервые употребленный Григорьевымъ въ статьѣ: „Взглядъ на современную критику искусства“ („Библіотека для чтенія“, 1858 г., № 1) и стоящій въ связи съ его пониманіемъ развитія ис-

Въ шесть лѣтъ человѣку мыслящему позволяется развиваться, конечно, не до той степени, чтобъ радикально измѣнить свои вѣрованія—такого развитія я, какъ не теоретикъ, положительно не допускаю и въ органичность и искренность его не вѣрю—но до той, чтобъ стать безпристрастнымъ судьей въ отношеніи къ собственному прошедшему дѣлу, чтобъ прямо видѣть его недостатки и смѣло признать его законныя и хорошія стороны.

Статья имѣла дѣйствительно свое значеніе: во-первыхъ, она была, нѣкоторымъ образомъ, если не дѣломъ цѣлаго кружка людей, довольно знакомыхъ съ народомъ и горячо любившихъ, да и доселѣ такъ же любящихъ народъ и всѣ выраженія его духовной и душевной жизни, то, по крайней мѣрѣ, выводомъ и выводомъ до наивности вѣрнымъ, изъ воззрѣнія и жизни цѣлаго такого кружка; во-вторыхъ, ее писалъ не ученый специалистъ, а литературный критикъ и человѣкъ жизни. Избави меня Богъ отъ мысли отвергать значеніе ученой кабинетной дѣятельности, я и тогда былъ слишкомъ далекъ отъ этого: труды ученыхъ, когда они такъ глубоко знакомы съ предметомъ и такъ даровиты, какъ, на примѣръ, Ѳ. И. Буслаевъ, имѣютъ огромное значеніе въ отношеніи къ классификаціи и разъясненію историческаго смысла даже и такихъ живыхъ явленій, какъ пѣсня; но ученые, болѣе или менѣе, всегда торопятся съ своими выводами насчетъ живыхъ элементовъ, все хотятъ поскорѣе перевести жизнь въ книгу, переплести и поставить на полку для справокъ, тогда какъ жизнь еще живетъ и продолжаетъ жить органически. Ясное дѣло, что нѣмногія чисто-практическія замѣчанія о живыхъ элементахъ встрѣчены были почти общимъ сочувствіемъ всѣхъ живыхъ людей. Въ-третьихъ, наконецъ, самое время, въ которое статья появилась, не мало содѣйствовало къ успѣху. Оно совпадало съ появленіемъ, одна за другою, драмъ Островскаго, „Семейной хроники“ С. Т. Аксакова, странствій отца Пароенія ¹⁾, всѣхъ этихъ не въ равной степени, но существенно-важныхъ свидѣтельствъ объ

куства, какъ *органическаго* процесса; этимъ терминомъ онъ хотѣлъ опредѣлить первичныя, рудиментарныя, несформировавшіяся проявленія художественныхъ идей и образовъ, изъ которыхъ внослѣдствіи, путемъ долгаго развитія, вырабатываются наконецъ стройныя и законченныя, ярко-типическія созданія искусства.

¹⁾ „Сказаніе о странствіи по Россіи, Молдавіи, Турціи и Св. Землѣ“ (Москва, 1856).

органичности нашей народной жизни, о ея глубоко коренящихся связяхъ съ прошедшимъ, о бытіи элементовъ прошедшаго въ видоизмѣненныхъ формахъ настоящаго. Идея народности видимо начинала торжествовать въ литературѣ, и торжеству ея содѣйствовали не только такія важныя явленія, какъ мною исчисленные, но все, что ни являлось новаго,—отъ задушевныхъ и поэтическихъ попытокъ отрывочныхъ изображеній народнаго быта покойнаго Стаховича до грубыхъ, но дагерротипно-вѣрныхъ копій съ дѣйствительности г. Потѣхина. Идея народности, какъ органичности жизни, и должна была побѣдить: ея побѣда должна была примирить все, что въ враждующихъ направленіяхъ было живого, и благодаря этому факту, нѣтъ болѣе въ настоящую минуту ни западниковъ, ни восточниковъ: вопросъ совершенно измѣнился. Никто уже не отвергаетъ значенія народности какъ органичности жизни; отвергаютъ и совершенно, надобно сказать, справедливо, застои формъ жизни или, съ другой стороны, вооружаются—что опять совершенно справедливо—противъ голаго отрицанія разумныхъ элементовъ въ дѣйствительности, кончающагося въ своихъ послѣднихъ выводахъ несостоятельными утопіями. Мысль узаконила жизнь, какъ органическую связь явленій, то-есть сознала въ жизни бытіе разумныхъ, ей присущихъ и въ ней постоянно повторяющихся законовъ, сознала необходимость учиться у жизни и отказалась отъ гордыхъ задачъ учить жизни, подымать ее до себя, до своихъ идеаловъ. Оттого-то въ настоящую минуту и есть только два рода мыслителей—теоретики, все-равно, какъ бы они не назывались—славянофилы, или ультра-западники. Мы явнымъ образомъ перешли въ правильный моментъ сознанія органичности существующаго и собственной нашей органической связи съ существующимъ.

Это небольшое вступленіе счелъ я необходимымъ сдѣлать при поновленіи старой моей работы для „Отечественныхъ Записокъ“, напечатавшихъ пѣсенные матеріалы изъ собранія П. И. Якушкина, нѣкоторая часть вклада въ которое принадлежитъ и мнѣ. Статью мою я называю поновленіемъ стараго труда въ томъ смыслѣ, что къ основнымъ положеніямъ моимъ я прибавляю въ сущности немного новаго, только развивая и распространяя, гдѣ это нужно, подробности, отбрасывая то, что въ настоящую минуту считаю я несовѣмъ вѣрнымъ, и подтверждая фактами многое вѣрное, что тогда было сказано болѣе наугадъ и по чутью. По-

вторюю опять, что черезъ шесть лѣтъ позволительно поправить самого себя, и не только позволительно, по *должно* отречься отъ ошибокъ, если таковыя признаны. Нечего говорить о томъ, что необходимо было измѣнить планъ замѣчаній, равно и о томъ, что черезъ шесть лѣтъ замѣчанія должны были лишиться своего полемическаго характера. Тогда, въ 1854 году, нужно было еще отстаивать русскую пѣсню передъ судомъ фальшивой образованности; теперь фальшивая образованность поднимаетъ свой старчески-замирающій голосъ только развѣ въ статьяхъ „Нашего времени“, а съ „Нашимъ временемъ“, то-есть съ воззрѣнiami запоздалаго кружка, выражающимися, по прекращеніи кратковременно-жившаго „Атенея“—только въ означенной газетѣ, бороться было бы бесполезно. Древняя мимоидоша!

II.

Говорить о великомъ значеніи народной пѣсни во всякой литературѣ, о еще большемъ значеніи ея въ литературѣ нашей, которая, долго находившаяся въ нѣкоторомъ насильственномъ разрывѣ съ своимъ первобытнымъ источникомъ, съ народнымъ сознаниемъ, нынѣ такъ положительно явно возвращается къ этому ничѣмъ незаглушиму источнику, въ литературѣ, для которой только въ тѣснѣйшемъ союзѣ съ органическою, народною жизнію, поколику эта органическая жизнь проявляется въ прошедшемъ и въ настоящемъ, заключаются основы прямого, правильнаго развитія,—словомъ, брать на себя право защищать, отстаивать нашу пѣсню передъ судомъ условныхъ и узкихъ воззрѣній, было бы, какъ я уже сказалъ, бесполезно въ настоящую, сознательную минуту. Скажу болѣе: это значило бы мало уважать наше народное сокровище и мало оказывать ему уваженія. Сама за себя пусть говоритъ наша пѣсня, говоритъ даже тѣмъ, которые ея чуждаются и которыхъ, къ чести *истиннаго* нашего времени, осталось очень немного.

Высшее и главное значеніе нашей пѣсни заключается прежде всего въ томъ, что она одна только, вмѣстѣ со всѣми славянскими сестрами, живетъ и доселѣ *растетъ* въ народѣ, тогда какъ пѣсни другихъ европейскихъ народовъ, болѣе или менѣе стали для этихъ народовъ предметомъ археологическаго любопытства и, стало-быть, изученія... У насъ же постоянно совершается яв-

леніе, которое глубоко-вѣрно и вмѣстѣ поэтически обозначилъ А. С. Хомяковъ въ предисловіи своемъ къ нѣкоторымъ пѣснямъ, напечатаннымъ въ „Московскомъ Сборникѣ“ 1852 года: „Сказывается старорусская сказка (говоритъ онъ), и мы чувствуемъ въ ней нѣчто живое, нѣчто близкое намъ. Пѣсня наша доселѣ еще живетъ, доселѣ еще творится старымъ органическимъ закономъ, хотя нѣчего и скрывать того, что, по всей вѣроятности, мы переживаемъ (то-есть не мы, а народъ) послѣднюю эпоху такого непосредственнаго творчества“.

1) Пѣсня есть поэтически-музыкальное или, если хотите, музыкально-поэтическое цѣлое, ибо, право, трудно рѣшить, чтѣ главное въ этомъ живомъ организмѣ: музыкальный или поэтической элементъ?

2) Пѣсня зарождается неизвѣстно когда, неизвѣстно гдѣ, творится неизвѣстно кѣмъ, родится и живетъ, какъ растеніе, именно, какъ растеніе, сама прозябая на удобной почвѣ. Случалось ли кому-нибудь изъ нашихъ читателей обращать вниманіе на одинъ самый обыкновенный, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и поразительный фактъ?.. Пытались ли узнавать, сколько разнообразнѣйшихъ по текстамъ и по музыкальнымъ мотивамъ пѣсенъ *хранится*, такъ сказать, въ памяти всякаго простаго, поющего человѣка, или ноющей простой женщины? Едва вѣроятно покажется, если мы скажемъ: считать надобно тутъ не десятками, а сотнями; а между тѣмъ, это такъ; и всякому, кто сколько-нибудь наблюдалъ явленія, ловилъ жизнь на дѣлѣ, очень ясно, почему это такъ. Одна пѣсня наводитъ на другую, какъ-то вяжется съ другою, какъ-то растительно цѣпляется за другую: одно слово въ одной пѣснѣ родитъ въ памяти новую пѣсню, однѣ обще-эпическія формы связываютъ нѣсколько разнородныхъ пѣсенъ: точно такъ же и мотивы, повидимому, совершенно различные, льются одинъ за другимъ, совершенно раздѣльные, а между тѣмъ связанные между собою одною общею растительною жизнію. Я говорю не о текстахъ и мотивахъ существенно различныхъ, которые, какъ болѣе рѣзкіе, удобнѣе ложатся слоями въ памяти, а о тѣхъ, которыхъ разница гораздо менѣе ярка и очевидна. Дѣло все въ томъ, что почва тутъ совершенно дѣвственна, не тронута, не засѣяна, такъ-сказать, ничѣмъ инымъ, что мѣшало бы свободному произрастанію органическаго продукта. Съ другой стороны, какого труда стоитъ людямъ, разрозненнымъ съ пониманіемъ и чувствомъ народа, запомнить весьма небольшое количество народныхъ тек-

стовъ и мотивовъ, запомнить такъ, чтобы тексты и мотивы не смѣшивались, не сливались одни съ другими, а выходили бы ярко, со всѣми ихъ особенностями, ибо отнимать у пѣсенъ эти тонкія поэтическія особенности, совершенно все равно, что обрѣзывать растенія по стрункѣ, налагая на все общій пошлый типъ.

3) Если масса пѣсенъ, даже та, которая можетъ быть извлечена изъ нѣсколькихъ, немногихъ поющихъ лицъ мужского или женскаго пола, такъ велика, то неминуемо представляется вопросъ: какія пѣсни стоятъ того, чтобы быть записанными?.. Скажутъ, можетъ-быть: *лучшія*; но въ томъ-то и дѣло, какія считать лучшими, чѣмъ руководиться при раздѣленіи лучшаго и худшаго въ этомъ дѣлѣ... Записывать надобно пѣсни, которыя постарше, скажутъ безъ запинки многіе и притомъ почтенные люди, знающіе въ томъ дѣлѣ. Да, вѣдь, пѣсня не только растеніе, пѣсня—самая почва, на которую ложится слой за слоемъ; снимаемая слой, сличая варианты, иногда въ пѣсенѣ новой можно добраться до первыхъ, до чистыхъ слоевъ. Есть пѣсни, совершенно новыя, часто даже нелѣпыя до безобразія, но напѣвъ ихъ развить съ такою полнотою, съ такимъ богатствомъ и могучествомъ, что невольно приходитъ въ голову мысль, не новый ли слой текста легъ здѣсь на старыи: кто отыскиваетъ только пѣсенъ постарше, тотъ отворотится отъ подобнаго текста съ презрѣніемъ—и будетъ не правъ. Наша пѣсня не сдана въ архивъ: она доселѣ живетъ въ народѣ, творится по старымъ законамъ ея самобытнаго творчества, новое чувство, новое содержаніе укладывается иногда въ готовыя, обычныя, старыя формы, старое не умираетъ, оно живетъ и продолжается въ новомъ, иногда остается совершенно нетронутымъ, иногда разрастается, иногда, пожалуй, искажается, но во всякомъ случаѣ *живетъ*. Почему мы знаемъ, напримѣръ, въ точности, къ какому времени принадлежитъ пѣсня:

Сказали про молодца, что онъ не живъ, не здоровъ,

помѣщенная въ собраніи П. И. Якушкина ¹⁾); но ясно, что она выражаетъ собою типическій, коренной великорусскій взглядъ на

---

¹⁾ У Якушкина она помѣщена среди лирическихъ пѣсенъ подъ № 67. Въ ней дѣвушка уговариваетъ любовника не бить своей жены за то, что она „дурно назвала“ свою соперницу:

Не бей, не бей, молодець, ты свою худую жену!

Съ худою женою-то тебѣ вѣкъ съ ней вѣковать,

отношенія, послужившія для нея предметомъ и ясно также, что она полна, какъ типъ, и въ своемъ смыслѣ, и въ своей мелодіи. Эта пѣсня имѣетъ даже мало вариантовъ, кромѣ вариантовъ словъ и выраженій. Странно, что ни въ одномъ печатномъ сборникѣ; тѣмъ менѣе у г. Сахарова, пѣсня эта не встрѣчается, хотя слышать ее доводилось, вѣроятно, многимъ изъ собирателей, и особенной рѣдкости она не составляетъ. Вѣроятно, собиратели площадныхъ пѣсенниковъ не помѣстили ее, какъ слишкомъ известную, а собиратели съ учеными претензіями сочли ее за новую по нѣкоторымъ выраженіямъ и, пылая археологическою страстью, пропустили ее мимо ушей... Часто въ пѣснѣ новой по содержанию встрѣчаются старые или, лучше сказать, коренные взгляды и тѣ общія подробности, въ которыя, какъ уже готовые, изстари ведущіяся формы, укладывается новое содержаніе. Заключение изъ всего этого то, что пока мы еще не имѣемъ права выбора между пѣснями, а должны собирать положительно все, безъ исключенія даже фабричныхъ и лакейскихъ искаженій.

Но *какъ* собирать?—вотъ въ этомъ то и дѣло. Во всякомъ случаѣ и прежде всего не *такъ*, какъ собиралъ г. Сахаровъ.

III.

Г. Сахаровъ началъ съ того, что въ своемъ предисловіи уничтожилъ всѣ прежніе „Сборники Пѣсенъ“, обвинивши ихъ, отчасти и справедливо, въ искаженіяхъ, поправкахъ, словомъ, въ измѣненіяхъ чисто-народнаго и въ маломъ уваженіи къ чисто-народному. Но спрашивается: какъ же самъ г. Сахаровъ относился къ этому чисто-народному? Всякаго, кто знакомъ съ русскими пѣснями не по печатнымъ только источникамъ, всякаго, кто хотя сколько-нибудь слышалъ ихъ въ народѣ, чье ухо хоть сколько-нибудь привыкло къ ихъ музыкально-гармоническому складу и въ чье

Со мной, съ красной дѣвушкой, одну ночь ночевать.

Сѣдай, сѣдай, молодецъ, свою ворона коня,

Сѣзжай, сѣзжай, молодецъ, со широкаго двора!

Этотъ мотивъ,—добровольный отказъ дѣвушки отъ незаконной любви, изъ сознанія святости брачныхъ отношеній, использовалъ Островскій въ „Бѣдой невѣстѣ“, въ лицѣ Дуни, образъ которой Григорьевъ считалъ „созданіемъ большого мастера“ (см. статью: „Послѣ Грозы Островскаго“ въ 11-мъ выпускѣ настоящаго изданія).

Примѣч. В. С.

сердце хотя сколько-нибудь проникло ихъ содержаніе, сборникъ г. Сахарова возмущаетъ едва-ли не болѣе, чѣмъ „Новѣйшій Полный и Всеобщій Пѣсенникъ, содержащій въ себѣ собраніе отборныхъ и всѣхъ доселѣ извѣстныхъ, употребительныхъ и новѣйшихъ всякаго рода пѣсенъ, раздѣленныхъ на нѣжныя, любовныя, простонародныя, пастушескія, военныя, патріотическія, хороводныя, святочные, подблюдныя, свадебныя, малороссійскія, театральныя, *издѣвочныя, выговорныя, критическія*, веселыя и печальныя, плясовыя, цыганскія и проч.“, изданный въ Санктпетербургѣ 1818 г. Г. Сахаровъ, какъ собиратель новый и притомъ съ притязаніями сообщить своему собранію значеніе научное, конечно, не далъ своему сборнику этого пышнаго названія, выписаннаго нами съ буквальною точностью, не ввелъ такихъ категорій раздѣленія, какъ пѣсни *издѣвочныя, выговорныя, критическія*, не напечаталъ чувствительныхъ романсовъ, въ родѣ „Стонетъ сизый голубочекъ“, о бокъ съ народными пѣснями, но за то: 1) ввелъ свои, не такъ смѣшныя, но за то болѣе исполненныя претензій категоріи; 2) не напечаталъ многое множество народныхъ и всякому русскому человѣку изъ дѣтства знакомыхъ пѣсенъ; 3) искажалъ во имя условнаго размѣра многія пѣсни, не лучше князя Цертелева, только на новый манеръ ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое значать у г. Сахарова категоріи пѣсенъ: семейныя, разгульныя, сатирическія? Какое различіе разгульныхъ отъ плясовыхъ? Почему названіе „удалыя пѣсни“ лучше названія „разбойническихъ пѣсенъ“?

Почему въ сборникѣ народныхъ русскихъ пѣсенъ не встрѣчается множества пѣсенъ, которыя услышишь, какъ только подойдешь, гдѣ-нибудь въ отдаленныхъ городскихъ переулкахъ, къ поющей толпѣ, и которыя не встрѣчаются въ „Сборникѣ“ г. Сахарова? Или однѣ рѣдкости собиралъ г. Сахаровъ? Но у него безпрестанно попадаютъ пѣсни вовсе не рѣдкія, сто разъ напечатанныя, даже въ этихъ несчастныхъ собраніяхъ, которыя онъ уничтожаетъ безъ всякаго милосердія.

¹⁾ Князь Н. А. Цертелевъ издалъ первый сборникъ малороссійскихъ пѣсенъ: „Опытъ собранія старинныхъ малороссійскихъ пѣсеней“ (СПБ., 1819 г.), и написалъ цѣлый рядъ статей о народной русской поэзіи, о метричкѣ народнаго стиха и т. д. Высказывая нерѣдко весьма вѣрныя и цѣнныя мысли, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ позволялъ себя измѣнять и „подправлять“ печатаемыя имъ нѣспи, приспособляя ихъ къ современнымъ вкусамъ.

Г. Сахаровъ сѣтуеъ на искаженія, которыя пѣсни потерпѣли въ Чулковскомъ, Новиковскомъ, Цертелевскомъ, Кашинскомъ и другихъ сборникахъ. Прежде, чѣмъ говорить, насколько правъ онъ въ критикѣ сборниковъ, въ особенности же Новиковскаго, о которомъ я намѣренъ поговорить въ подробности, я замѣчу только, что у него самого, т.-е. у г. Сахарова: 1) очень часто въ записанныхъ пѣсняхъ народныхъ попадаютъ стихи *дѣланые* и вставочные, и 2) размѣръ пѣсенъ большею частью не понятъ и весьма часто искаженъ, подведенъ подъ условное ярмо. Позволимъ себѣ привести два примѣра. Возьмемъ у г. Сахарова одну превосходную пѣсню (изд. 1838 г., часть 4-я: „Пѣсни семейныя“, стр. 43):

Калину съ малиною вода поняла,
 На ту пору матушка меня родила,
 Не собравшись съ разумомъ, замужъ отдала
 На чужедальную на сторонкушу.
 Чужая сторонка безъ вѣтра сушить,
 Чужой отецъ съ матерью безвинно крушить.
 Не буду я къ матушкѣ ровно три годка,
 На четвертой къ матушкѣ пташкой полечу,
 Горемычной пташечкою кукушечкою,
 Сяду я у матушки въ зеленомъ саду,
 Свопмъ кукованьемъ весь садъ изсушу,
 Слезами горячими весь садъ потоплю,
 Родимую матушку сердцемъ надорву.
 Матушка по сѣничкамъ похаживаетъ,
 Невѣстусекъ-ластусекъ побуживаетъ:
 Вы встаньте, невѣстуски, голубки мои,
 Что у насъ за пташка въ зеленомъ саду?
 Бѣлая невестка велитъ застрѣлить,
 Меньшая невестка *проситъ погодить*,
 Родная сестрица, *залившись слезами*,
Молвила: не наша ль горяша сюда
 Прилетѣла пташкой съ чужой стороны?

Здѣсь переносъ слова, „молвила“ къ началу стиха и замѣна народнаго выраженія: „слезами“, котораго требуетъ и музыкальный ритмъ, книжнымъ: „слезами“—все это явно *дѣланное*. Кромѣ того, пѣсня какъ-то гола, т.-е. лишена эпическихъ повтореній и, очевидно, представляетъ собою вариантъ, и притомъ вариантъ бѣдный, а не типъ пѣсни. Посмотрите на эту же самую пѣсню въ ея простомъ, безыскусственномъ видѣ. Вотъ два ея варианта: одинъ, напечатанный въ книжечкѣ мало извѣстной, но весьма

доброевѣстно составленной: „Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губерній. Собраны и изданы съ соблюденіемъ мѣстнаго выговора Александромъ Смирновымъ. Москва, 1847“ и другой, мною записанный. Сначала привожу вариантъ печатный, сходный только началомъ и несходный послѣдующимъ содержаніемъ:

Калина съ малинушкой ранымъ рано расцвѣла.
Въ ту пору-времячко меня матушка родила.
Родивши-то матушка на бѣлы руки взяла;
Взявши на бѣлы руки, русу косу заплела;
Заплевши-то русу косыньку, невѣстою назвала;
Назвавши невѣстою, въ чужи люди отдала.
Въ чужихъ людяхъ четыре зазнобушки.
Первая зазнобушка—свекоръ да свекровушка,
Другая зазнобушка—деверь да золовушка,
Третья-то зазнобушка—тяжелая работушка,
Четвертая зазнобушка—мужъ удала голова,
Мужъ удала голова—пѣть, гуляетъ отъ меня.

Въ этомъ, хотя и прекрасномъ вариантѣ, у пѣсни отнята драматичность ея содержанія и, притомъ, концомъ своимъ она сходится въ содержаніи съ пѣснію: „Взойди, взойди солнце“. А вотъ другой вариантъ:

Годочикъ я прожила, другой прожила.
Другой прожила...
А третій-то годочикъ въ слезахъ провела,
Въ слезахъ провела...
Я вскинулся пташечкой кукушечкою,
Кукушечкою...
Полечу на батюшкину, на сторонушку,
На сторонушку...
Сяду я на яблоньку въ зеленомъ саду,
Въ зеленомъ саду...
Запою на яблонкѣ жалкимъ голосомъ,
Жалкимъ голосомъ...
Что это за пташечка у насъ во саду?
У насъ во саду...
Большой-то братъ говорить—семъ я поймаю,
Семъ я поймаю...
Средній братъ говорить:—семъ я застрѣлю,
Семъ я застрѣлю...
Меньшой-то братъ говорить: семъ я пойду погляжу,
Семъ я погляжу...
Не наша ли горькая съ чужой дальной стороны?
Съ чужой дальной стороны...

Большому-то брату-то во солдатахъ быть,
Во солдатахъ быть...
Среднему брату-то во разбойничкахъ,
Во разбойничкахъ...
Меньшому-то брату со мной домомъ жить.

Въ этомъ вариантѣ больше полноты и цѣлости, несмотря на то, что есть и неопредѣленности, впрочемъ, совершенно эпическія: неизвѣстно, на примѣръ, или только подразумевается, кто спрашиваетъ: „Что это за пташечка у насъ во саду?“ Съ другой стороны, этотъ вариантъ поясняетъ очевидно происхожденіе варианта г. Сахарова. Г. Сахаровъ, должно быть, не слыхалъ, какъ пѣсня поется, а получилъ ее записанною: записывавшій *мудрствоваль* надъ пѣсню и значительно сократилъ ее длинный, тянущійся размѣръ, привелъ его по-своему въ формы просодическія. И такъ поступалъ г. Сахаровъ, или поступали тѣ, отъ кого получалъ онъ пѣсни, съ весьма многими пѣснями. Метръ стиха русской пѣсни непонятенъ безъ пѣнія. Пѣніе большею частью рубить стихъ на двѣ половины, которыя могутъ быть названы *подъемомъ и спускомъ*, половины, равныя количествомъ музыкальных тактовъ, сообразно съ которыми ускоряются или растягиваются слога въ словахъ, по требованіямъ которыхъ одно слово, въ одномъ стихѣ встрѣчается съ двумя, съ тремя различными удареніями, какъ въ пѣснѣ выше приведенной:

Годочикъ я прожила, другой прожила

или еще очевиднѣе въ пѣснѣ: „Размолодчики вы молоденькіе“, въ стихахъ:

Разнесли мысли по чистымъ полямъ,
По зеленымъ, по зеленымъ, зеленымъ лугамъ.

Вотъ еще изъ сборника г. Сахарова другой примѣръ искаженія размѣра, а вмѣстѣ и образчикъ поддѣлокъ, въ другой, чрезвычайно-употребительной и общественной пѣснѣ. Тутъ размѣръ г. Сахаровымъ изуродованъ совсѣмъ à la Дельвигъ (Часть 2-я, пѣсни плясовыя, стр. 409):

Ахъ ты поченька,
Ночка темная,
Ты молодушка
Ты *молоденька!!!*
Ты головушка,

Ты побѣдненька ¹⁾!!!
Съ кѣмъ ночь темную
Ночевать тебѣ,
Съ кѣмъ осеннюю
Коротать тебѣ? ²⁾
Лягу спать одна
Безъ мила дружка.
Безъ мила дружка
Береть грусть тоска,
Береть грусть тоска;
Далеко милъ живетъ;
Далеко живетъ
Онъ за рѣченькой.
Ужъ я съ той со тоски
Погулять пойду,
Погулять пойду,
Повидаюсь съ нимъ ³⁾.
Машетъ милый мнѣ
Ручкой правою,
Ручкой правою,
Шляпой черною.
Перейди ко мнѣ
Ты за рѣченьку.
Перешла бы я—
Переходу нѣтъ ⁴⁾,
Переходъ *хоть* есть—
Тонка жердочка!

Бѣдная пѣсня! Что съ тобою сдѣлали! Гдѣ твоя поэзія, гдѣ жизнь, которая бьетъ изъ тебя живой струею?.. Искажаютъ русскія пѣсни и цыгане, но вовсе не такъ, какъ г. Сахаровъ. Вотъ образчикъ цыганскаго искаженія:

Ты ночька, ты ноченька,
Темная осенняя.
Головка моя,
Побѣдненькая.
Безъ мила-мила дружка,
Обуяла грусть-тоска;
Далеко живетъ
Онъ за рѣченькой.

¹⁾ Усѣченія „побѣдненька“ и „молоденька“ не встрѣчаются, особенно самостоятельно, безъ существительнаго, въ русскихъ пѣсняхъ.

²⁾ Передѣлка размѣра и содержанія à la Дельвигъ.

³⁾ Вставка изъ сентиментальныхъ пѣсенъ.

⁴⁾ Передѣлка à la князь Цертелевъ, или въ родѣ сборника: „Веселая Эрато (!) на русской свадьбѣ“.

*Ужъ я съ той со тоски
Разуляться въ путь пойду,
Почулять пойду
Повидаюся.
Машеть милый—машеть мнѣ
Своей ручкой правую;
Перейди сударушка
На мою сторонушку.
Я бы рада перешла
Переходу не нашла.*

Все-таки здѣсь больше чувства народнаго размѣра, чѣмъ въ искаженіи, напечатанномъ у г. Сахарова.

Теперь вотъ какъ эта пѣсня поется, съ дѣленіемъ стиха на равнотактныя, но неравносложныя половины, подъемъ и спускъ. Кто слыхалъ, какъ она поется, тотъ знаетъ, какую прелесть и жизнь сообщаетъ тутъ стиху даже ускореніе стиховъ въ ритмѣ: слогъ тутъ, такъ сказать, бѣгутъ за ритмомъ.

Ночь ли ночинька—ночка темная,
Ночка темная—*осенняя-домая*.
Молодка молодка—молоденькая
Головка твоя—побѣдненькая.

*Съ кѣмъ же тебѣ, молодка—ночку спать-ночевать.
Ночку спать-ночевать—осеннюю коротать.*
Лягу спать одна—безъ мила дружка,
Безъ мила дружка—*обулла* грусть тоска,
Грусть тоска беретъ—*далеко милой* живетъ.
Далеко далече, на той сторонѣ,
На той сторонѣ—не близко ко мнѣ.
Ходить мой милой тою стороной,
Машеть мой милой, правую рукой,
Ручкой правую, шляпой черною:
Перейди сударушка на мою сторонушку.
Я бы рада перешла, переходу не нашла,
Переходъ нашла—рѣчка глубока,
Рѣчка глубока—жердочка тонка,
Тонка-тонка-гнется—*боюсь переломится*.
Знать-то мой милой—съ иной водится.

И такія искаженія попадаютъ на каждомъ шагѣ въ сборникѣ г. Сахарова, такъ что его „Пѣсни русскаго народа“ почти столь же мало соотвѣтствуютъ своему названію, какъ „исторія“ г. Полевого своему, несмотря на то, что г. Сахаровъ весьма часто придаетъ этому послѣднему пышный титулъ „историка русскаго на-

рода“. Да и вообще съ тѣми взглядами на народность русскую, которые явились въ литературѣ тридцатыхъ годовъ въ „Исторіи“ г. Полевого, въ его историческихъ романахъ и драматическихъ представленіяхъ, съ взглядами, которые высказываются и въ предисловіяхъ г. Сахарова къ разнымъ отдѣламъ его собранія, трудно понять содержаніе русскихъ пѣсенъ и усвоить себѣ крѣпко ихъ разнообразныя формы; литература тридцатыхъ годовъ приступала къ народности русской съ самыми странными претензіями и умѣла только смѣяться надъ предшествовавшими трудами по этой части. Стоитъ прочесть предувѣдомленіе, которымъ снабдилъ г. Сахаровъ собраніе святочныхъ пѣсенъ, предувѣдомленіе, написанное какимъ-то приторно-добродушнымъ и поддѣльнымъ тономъ, чтобы убѣдиться, какъ мало издатель способенъ былъ къ принятому имъ на себя труду. П. И. Якушкинъ въ своемъ предисловіи указалъ на иѣсно о Карамышевѣ, явно перепечатанную г. Сахаровымъ изъ „Денницы“, изъ пѣсенъ, сообщенныхъ въ этотъ альманахъ покойнымъ П. В. Кирѣвскимъ—перепечатанную съ непутными вставками, съ самыми противными искаженіями. Весьма многимъ извѣстно собраніе г. Сахарова и очень немногимъ старая „Денница“ и иѣсни, сообщенныя туда П. В. Кирѣвскимъ.

Что касается до старыхъ пѣсенниковъ, Чулковскаго и Новиковскаго, безжалостно обруганныхъ г. Сахаровымъ, то единственно рѣдкость этихъ сборниковъ ¹⁾ причина тому, что отзывы г. Сахарова доселѣ остаются безнаказанными. Для примѣра и на выдержку я позволю себѣ привести здѣсь нѣсколько пѣсенъ изъ Новиковскаго сборника, изъ части III—пѣсенъ, явно-несогласныхъ и записанныхъ несравненно добросовѣстнѣе множества иѣсенъ, встрѣчающихся у г. Сахарова. Привожу *девять* пѣсенъ, встрѣчающихся у Новикова на *десяти* страницахъ съ нѣсколькими къ нимъ примѣчаніями.

I.

Когда во славной было матушкѣ каменной Москвѣ,
 Что на той ли было, братцы, Красной площади.
 Хорошо добрѣ солдаты въ строю стоятъ ²⁾,

¹⁾ Сборника *Чулковскаго* нѣтъ ни въ Императорской Публичной библиотекѣ, ни въ библиотекѣ Московскаго университета. Въ библиотекѣ, бывшей А. Ф. Смирдина, нынѣ Крашенинникова, уцѣлѣли только двѣ первыя части его. Сборника *Новиковскаго* полный экземпляръ я изучилъ только въ Публичной библиотекѣ. У меня же есть только 3-й, 4-й, 5-й и 6-й томы, да и тѣ изорванные.

²⁾ Пѣсня исторически-солдатская.

Примѣч. А. Григорьева.

Они огненные ружья предъ собой держать;
Что Москвою шли солдаты потихохоньку,
Кремлемъ городомъ прошли братцы поплавнехоньку,
Во соборъ пришли солдаты—Богу молилися,
Ко святымъ мощамъ солдатушки приложилися,
Государю-царю солдатушки поклонилися.
И ты здравствуй, многолѣтствуй, православный царь!
Благослови ты намъ, солдатушкамъ, въ походъ идти,
Что подъ славный ли подъ городъ подъ Ригу.
Ужь какъ взговорить нашъ батюшко ¹⁾, православный царь:
Вы подите, мои дѣтушки, потихохоньку,
Вы уздами подите помирнехоньку,
А подъ Ригу пришедши остановитесь,
Вы меня ли мои дѣти дожидаетесь,
А фельдмаршала во всемъ вы слушайте ²⁾.

Н. Ч. III, стр. 54.

II.

Ахъ ты ноченька, ты ноченька осенняя,
Надоѣла ты мнѣ молодцу, наскучила;
Стоючи ³⁾, братцы, на караулѣ государевомъ,
Что подъ славнымъ ли подъ городомъ подъ Выборгомъ,
Что подъ той ли подъ стѣною бѣлокаменной,
Что подъ высокой подъ башней подъ провѣжею ⁴⁾
Не звѣринушка изъ башенки возрыгнула,
Возрыгнула тутъ пушечка боевая,
Боевая, полковая, шведская.
Никого она въ полку, братцы, не ранила,
Что убила ли полковничка, какъ нить дала.
Какъ растужутся, расплачутся солдатушки:
Охъ, ты свѣтъ нашъ, батюшко полковничекъ!
Что кому насъ сиротъ будетъ поить-кормить,
Кому насъ солдатъ содержать будетъ.
Ахъ что возговорятъ майоры съ подполковникомъ:
И вы глупые солдаты, неразумные,
Какъ поить будетъ кормить православный царь,
Содержать будемъ мы, майоръ съ полковникомъ.

Стр. 54.

¹⁾ Замѣчательно иногда Повниковское правописание своею особенностью, какъ здѣсь: *батюшко*; иногда, впрочемъ, есть и произвольности: *потихохоньку*, *заволетей*.

²⁾ Два послѣдніе стиха, особенно самый послѣдній, отзываются какою-то *дѣланной* прозаичностью.

³⁾ Смѣлый оборотъ, отнесемъ ли „стоячи“ къ первымъ стихамъ, то-есть „ноченька наскучила... стоячи“ (мнѣ стоящу), или „стоячи... возрыгнула пушечка“.

⁴⁾ Стихъ, кажется, испорченный.

Примѣч. А. Григорьева.

III.

Что сказать ли вамъ, братцы, про диковинку,
 Какъ про вѣрнаго слугу про Краснощекова,
 Отъ кого, братцы, ему смерть скоро случилася.
 Солучилась ему скоро смерть отъ измѣнщика.
 Поимали ли Краснощекова на черной грязи,
 Онъ слѣзаль ли Краснощековъ со добра коня,
 Вынималъ ли, Краснощековъ, саблю острую,
 Онъ срубилъ ли со добра коня буйну голову,
 Онъ срубивши голову, говорилъ ему:
 Не доставайся ты, мой добрый конь, злу татарину.
 Ужъ какъ взяли Краснощекова за бѣлы руки,
 Повели ли Краснощекова къ хану крымскому,
 Ужъ какъ стали же Краснощекова крѣпко спрашивать:
 Ты скажи, скажи, Краснощековъ, правду-истину,
 Еще много ли у васъ силъ со фельдмаршаломъ?
 Со фельдмаршаломъ у насъ силы ей смѣты нѣтъ.
 Еще много ли у васъ силы съ Краснощековымъ?
 Съ Краснощековымъ у насъ силы, что цвѣтовъ въ поляхъ.
 Послужи же намъ, Краснощековъ, вѣрой-правдою.
 Ахъ что возгворить Краснощековъ злымъ татаринамъ:
 Послужу я вамъ, друзья мои ¹⁾, саблей острую,
 Что надъ вашими ль надъ буйными головками.
 Еще тутъ ли татаре осердились:
 Они стали надъ Краснощековымъ наругатися,
 Принялись у Краснощекова ноги рѣзати,
 Они разными муками его мучили ²⁾,
 А правды отъ него не вывѣдали,
 Хотя съ живова съ него кожу сѣдрали,
 Но души изъ него не выпяли.

Стр. 55.

IV.

Что повыше было города Царицына,
 Что пониже было города Саратова,
 Протекала, пролегала мать Камышенка-рѣка.
 За собой она вела круты, красны берега.
 Круты, красны берега и зеленые луга.
 Она устьицемъ впадала въ Волгу-матушку рѣку,
 Что по той ли было матушкѣ Камышенкѣ-рѣкѣ,

¹⁾ Это выраженіе и другія въ пѣснѣ имѣютъ характеръ искусственный, вѣроятно, вслѣдствіе порченности пѣсни.

²⁾ Всѣ послѣдующіе стихи порченныя, хотя не дѣланные; особенно же порча видна въ послѣднемъ стихѣ, въ „но“, обличающемъ претензію книжной рѣчи.

Какъ плывутъ тутъ вышывають есаульные стружки.
На стружкахъ сидятъ гребцы, все бурлаки молодцы,
Все бурлаки молодцы, все заволожки удалцы.
Хорошо братцы молодцы перережены сидятъ,
На нихъ шапочки собольи, верхи бархатные.
Однорядочны кафтаны всѣ камкой подложены,
Киноватные бешметы въ одну нитку строчены,
Всѣ тафтяныя рубашки галуномъ обложены,
На нихъ штаники суконны по старинному кроены,
Что желтой сафьянъ сапожки, все шильцомъ каблучки.
Они веслами гребутъ, сами пѣсенки поютъ.
Становилися стружки середь Волги къ островку,
Они ждали, поджидали губернатора къ себѣ,
Губернатора къ себѣ, астраханскаго еще.
Ахъ что взговорятъ молодцы бурлаки-удальцы:
Еще что-то по водѣ у насъ бѣлѣтся,
Забѣлѣлися тутъ флаги губернаторскіе,
Кого ждали, поджидали, того лядъ и несутъ.
Астраханскій губернаторъ догадается:
Ахъ вы гой еси, бурлаки, люди вольные,
Вы берите золотой казны что надобно,
Вы берите цвѣтно платье губернаторское,
Вы берите всѣ диковинки заморскія,
Вы берите же вещицы астраханскія.
Ахъ что взговорятъ молодцы люди вольные:
Намъ не дѣрога твоя ли золота казна,
Намъ не дѣрого цвѣтно платье губернаторское,
Намъ не дороги диковинки заморскія,
Намъ не дороги вещицы астраханскія,
Дорога намъ буйная твоя головошка ¹⁾.

.....
.....
.....

Стр. 56.

V.

Но концѣ было славна города
Славна города, каменной Москвы,
Что на самомъ ли на выѣздѣ,
Па растаянхъ ко Всесвятскому
Не туманъ, братцы, затуманился,
Не роса нала на травушку,
Что катились горючи слезы,
Горючи слезы солдатскія.

¹⁾ Въ коренныхъ разбойническихъ пѣсняхъ замѣчательныя ударенія: такъ слово „молодцы“ иногда требуетъ произношенія „молодѣцы“.

Примѣч. А. Григорьева.

Идучи, братцы, въ землю шведскую,
Всѣ солдаты во слезахъ идутъ,
Во слезахъ идутъ возрыдаючи.
Что прощаются ль солдатушки
Какъ съ отцами и со матерями,
Что съ женами и со дѣтками,
Съ родомъ племенемъ, съ пріятелями.
Лишь одинъ изъ нихъ весѣль идетъ,
Что веселье идетъ не кручинится,
Оставляетъ онъ отца и мать,
Оставляетъ молоду жену,
Оставляетъ милыхъ дѣтушекъ,
Оставляетъ весь родъ-племя:
*Но имѣетъ весьма храбрый духъ,
Исполняетъ волю царскую,
Воружается за вѣру онъ
Идетъ ратью за отечество¹⁾.*

Стр. 59.

VI.

Что никто-то про то не знаетъ, не вѣдаетъ,
Что куда нашъ государь-царь снаряжается,
Снаряжается государь-царь въ землю шведскую;
Онъ меня ли, добраго молодца, съ собой беретъ,
Ужъ такъ мнѣ ли, доброму молодцу, не хотѣлось,
Мнѣ хотѣлось, доброму молодцу, при Москвѣ пожить,
При Москвѣ пожить, при дворцѣ служить,
При дворцѣ служить при государевомъ:
Какъ не жаль-то мнѣ молодцу золотой казны,
Только жаль мнѣ, молодцу, зелена сада;
Что во зеленомъ во садикѣ три деревца:
Ужъ какъ первое въ саду деревцо кедровое,
А другое въ саду деревцо кипарисное,
А третье въ саду дерево сладка яблонька.
Что кедрово дерево въ саду—родной батюшка,
Кипарисъ дерево въ саду—родна матушка,
Сладкая яблоня въ саду—молода жена,
Отросточки у яблони—малы дѣтушки²⁾.

Стр. 58.

¹⁾ Въ этой пѣснѣ, особенно въ концѣ ея, къ творчеству чистому, народному, прилагалось творчество книжное и образованно-солдатское, особенно въ строкахъ, обозначенныхъ курсивомъ.

²⁾ Пѣсня превосходная, особенно во второй половинѣ, своими античными формами, и нисколько не испорченная. *Примѣч. А. Григорьева.*

VII.

По крутому, по красному по берегу,
По желтому сыпучему песочку,
Стояла избушечка волжаночка,
Во той во избѣ холостѣба сидитъ
Холостѣба, братцы, сидитъ неженатая,
Не много, не мало тридцать девять человѣкъ.
Между ними сидитъ красна дѣвица,
Играетъ дѣвица съ добрымъ молодцомъ
Въ большую игру во тавлейную,
Во тѣ ли во тавлеи, во шахматы.
Игралъ молодецъ о трехъ корабляхъ,
А дѣвица играла о буйной головѣ.
Ужъ какъ дѣвица молодца обыграла
Выиграла дѣвица три корабля:
Первый-то корабль съ краснымъ золотомъ,
Другой-то корабль съ чистымъ серебромъ,
А третій корабль съ крупнымъ жемчугомъ.
Сѣлъ добрый молодецъ задумался,
Повѣсилъ свою буйную голову,
Потушилъ свои очи ясныя.
Что взговорить душа красна дѣвица:
Не печалься, не кручинься добрый молодецъ,
Авось твои три корабля возвратятся,
Какъ меня ли красну дѣвицу за себя возьмешь—
Корабли твои за мной въ приданое.
Ахъ, что взговорить удалой добрый молодецъ:
Пропади вся моя золота казна,
Золота казна несмѣтная,
Не взять мнѣ души красной дѣвицы.
Загадай дѣвицѣ загадочку,
Хитру, мудру, неотгадчиву:
Ахъ что у насъ, дѣвица, безъ огня горитъ,
Безъ огня у насъ горитъ, и безъ крылъ летитъ,
Безъ крылъ у насъ летитъ и безъ ногъ бѣжитъ?
Да что взговорить душа красна дѣвица:
Ужъ какъ эта ли загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива:
Безъ огня у насъ горитъ солнце красное,
А безъ крылъ у насъ летитъ туча грозная,
А безъ ногъ у насъ бѣжитъ мать быстра рѣка.
Ахъ что взговорить удалой доброй молодецъ:
Загадаю дѣвицѣ загадочку
Хитру, мудру, неотгадчиву:
Ужъ какъ есть у меня парень поваренной,
Такъ развѣ онъ тебя за себя возьметъ.

Да что взговорить душа красна дѣвица:
Ужь эта загадка не хитра, не мудра,
Не хитра, не мудра, лишь отгадлива:
Ужь есть у меня дѣвка гусятница
Ужь вотъ развѣ она за тебя поидеть ¹⁾.

Стр. 59.

VIII ²⁾.

Гулялъ молодець по Украинѣ
Ровно тридцать лѣтъ и три года,
Загулялъ онъ къ королю въ Литву.
Король молодца любилъ, жаловалъ,
Королева не могла наглядѣться
На его красоту молодецкую.
Какъ сталъ молодець ушиватися,
Буйными словесами похвалятися.
„Ужь попито, братцы, поѣдено
Въ крашѣ, въ хорошѣ положено,
Съ одного плеча платья поношено,
Королеву за ручку повожено,
Съ королевной на перинушкѣ полежено“ ³⁾.
Ужь какъ зла-та и на молодца своя братья,
Донесли на молодца самому королю:
„Не знаешь про то дѣло, не вѣдаешь,
Живеть королевна съ добрымъ молодцомъ“ ⁴⁾.
Король на молодца вдругъ прогнѣвался,
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
„Какъ есть ли у меня слуги вѣрныя?
Вы возьмите удалова добра молодца,
Посадите его въ темну темницу,
А сами подите въ чисто поле,
Вы роите двѣ ямы глубокія
И вы ставьте два столбичка высокіе,
Перекладинку положите кленовую,
Вы петельку повѣсьте шелковую,
Поведите удалова добра молодца,
Не водите вы его вдоль по улицѣ,
Поведите вы его позади дворца.
Не увидѣла бы королевшна“.

¹⁾ Пѣсня весьма старая, судя по *богатырскимъ* отношеніямъ половъ.

²⁾ Въ Якушкинскомъ собраніи есть варіантъ, замѣчательный началомъ и многими подробностями, совершенно эпическими.

³⁾ Большое сходство, даже въ формахъ „полежено“, „повожено“ и пр., съ Филипповской пѣсней о Ванѣ ключникѣ.

⁴⁾ Сходство съ моей пѣсней о ключникѣ въ донося и въ казни съ ея приготовленіями.

На первую ступень ступил молодецъ:
„Ты прости, прости отецъ съ матерью“;
На другую ступень ступить молодецъ:
„Ты прости, прости весь родъ-племя“;
На третью ступень ступил молодецъ:
„Прости, мой свѣтъ, королевшна“.
Далеко королевна голосъ слышала.
Бѣжала во свой во высокъ теремъ,
Брала она свои золоты ключи,
Отпирала шкатулу серебряну,
Вынимала два ножичка булатные,
Порола свои груди бѣлыя.
Молодецъ ли во чистомъ полѣ качается—
Королевишна на ножичкахъ кончается.
Пришелъ къ ней скоро родной батюшка,
Не успѣлъ король лишь возрѣти,
Увидѣлъ убиту королевшну—
И онъ билъ свои руки о дубовый столъ.
„Ахъ, свѣтъ ты моя дочь любезная,
Для чего мнѣ заранѣе не повѣдала,
Что жила въ любви съ добрымъ молодцомъ:
Ужъ я бы добраго молодца пожаловалъ
Отъ смерти добраго молодца помиловалъ“.
Закричалъ, завопилъ громкимъ голосомъ:
„Ужъ есть ли у меня слуги вѣрные?
Попшите ко мнѣ двухъ грозныхъ палачей,
Рубили бы головы доносчикамъ,
Кто доносилъ на королевшну“.

Стр

IX.

Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
Со удалыми со добрыми молодцами,
Со тѣми ли молодцами со ворами.
Немного я, красна дѣвица, гуляла,
Гуляла красна дѣвица тридцать шесть лѣтъ.
Была-то я, красна дѣвица, атаманомъ,
И славнымъ и преславнымъ ясауломъ:
Стояла я, красна дѣвица, при дорогѣ
Со вострымъ я со ножичкомъ булатнымъ:
Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда.
Не много я, красна дѣвица, душъ губила,
Погубила я, красна дѣвица, двадцать тысячъ,
А старова и малова въ счетъ не клала.
Я ѣздила по городамъ, по уѣздамъ,
Захотѣла красна дѣвица загуляти
Во славное въ Московское государство,

Захотѣлось мнѣ, красной дѣвицѣ, посмотретьти,
Богатыхъ тамъ купцовъ мнѣ поглядѣти,
Мнѣ каменны палаты поломати,
Желѣзные запоры отпирати.
Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
На славное на петровское на кружало,
Безъ счету я, дѣвица, деньги выдавала,
Не глядя рублевички за стоичку бросала;
Вы пейте, мои товарищи, веселитесь!
Ужъ тутъ-то я, красна дѣвица, бодрость оказала,
Ужъ храбро я бодро поступала,
Атамановы поступки показала;
Ужъ тутъ меня, дѣвицу, признавали,
По имени красну дѣвицу называли,
По отечеству меня величали,
Назадъ руки красной дѣвицѣ завязали,
Повели меня, красну дѣвицу, въ полицу,
Подымали красну дѣвицу на дыбу.
Ужъ смѣло красна дѣвица отвѣчала:
Постойте, судьи мои, не судите,
Чего вамъ отъ меня больше желати,
Сама вамъ, красна дѣвица, повинюся:
Немного-то я, красна дѣвица, гуляла,
Гуляла я, красна дѣвица, тридцать шесть лѣтъ,
Была я, красна дѣвица, атаманомъ,
Стояла я, красна дѣвица, при дорогѣ,
Со вострымъ я со ножичкомъ булатнымъ,
Ни конному, ни пѣшему нѣтъ проѣзда;
Немного я, красна дѣвица, душъ губила:
Погубила я, красна дѣвица, двадцать тысячъ,
А стараго и малаго въ счетъ не клала;
Захотѣла я, красна дѣвица, загуляти
Во славное въ Московское во царство,
По широкимъ по улицамъ походитьи,
Богатыхъ тамъ купцовъ поглядѣти,
Мнѣ каменны палаты поломати,
Желѣзные запоры отпирати.
Загуляла я, красна дѣвица, загуляла
На славное петровское кружало,
Не глядя я рублевички вынимала,
За стоичку безъ счету подавала,
Атамановы поступочки показала.
Ужъ тутъ меня, дѣвицу, признавали,
По имени красну дѣвицу называли,
По отечеству меня величали,
Назадъ руки красной дѣвицѣ завязали
Повели меня, красну дѣвицу, въ полицу:

Судите, судьи, меня поскорѣ,
Раскладывайте огни на соломѣ,
Вы жгите мое бѣлое тѣло,
Послѣ огня мнѣ голову рубите.
Вы слушайте судьи моего приказа:
Ведите меня съ товарищи во чисто поле,
Зачинайте вы класть всѣхъ къ ряду,
Меня, красну дѣвицу, напоследокъ.
Я, лежа тамъ, красна дѣвица, възрыдала—
Объ товарищахъ своихъ я пожалѣла,
Что рано я васъ, дѣвица, погубила;
Я въ сей винѣ красна дѣвица причина:
Простите, мои пріатели-доброхоты.

Стр. 62—64.

Новиковскій пѣсенникъ сохраняетъ для насъ, хотя часто и въ порченной формѣ, множество пѣсенъ, которыхъ больше не услышишь и которыя бы безъ него пропали для насъ совершенно. Такова, напримѣръ, слѣдующая, весьма замѣчательная, хотя и плохо записанная:

Гулинька голубокъ, кто тебя зарѣзалъ?
Батюшко зарѣзалъ,
Матушка, сестрица мяса не ѣла,
Все за столомъ просидѣла,
Все за столомъ просидѣла, косточки собирала,
Въ платокъ завязала,
Пошла сама на рѣчку, косточки промывала
Въ бережокъ зарыла;
Въ бережокъ зарыла, ножкой притоптала,
Яблочкомъ прикрыла;
Прошли скоморохи, прошли молодые,
Молодые, веселые,
Увидѣли кусточикъ, увидѣли раки товъ,
Зеленый дубочикъ;
Они срѣзали по пруточку, они сдѣлали по гудочку
Навязали струны.
Охъ, вы гудки, не гудите, мово батюшку не будите,
Моей матушкѣ не мѣшайте,
Они спятъ съ печали, со великой со кручины,
Со великой со кручины,
Родна брата разрубили, родна брата разрубили
И въ землѣ зарыли.
Ахъ, жаль его, индо тошно, гдѣ его схоронили,
Гдѣ его схоронили?—
У Петра, у Николы, подъ тремя колоколы
Подъ большими звонами.

Кто по немъ плакаль?—два волка хохлаты,
Два кобеля мохнаты,
Сучка да до печкѣ скочила, хвостикъ въ сусло обмочила,
Много бѣдъ нащутила.
Бить было сучку, да кочерга далеко
У Савки лавки въ Питерѣ.

(Часть VI, стр. 195).

Повторяю, что какъ ни плохо, какъ, можно сказать, ни *безутно* пѣсня записана, она является одной изъ замѣчательнѣйшихъ *ско-морозныхъ*.

Или, напримѣръ, въ Якушкннскомъ собраніи находится пре-восходный *типъ* пѣсни:

Исходила младенька всѣ луга и болота,
записанный мною у цыганъ хора Ивана Васильича. Эта пѣсня встрѣчается въ Новиковскомъ пѣсенникѣ въ слѣдующемъ вариантѣ:

Какъ клонилася калина
Къ сладкой ягодѣ малинѣ.
Собиралася сестрица
Ко родному братцу въ гости..
Ужъ какъ братъ глядитъ въ окошко,
А невѣстка во другое.
Ужъ какъ братецъ-то тутъ молвить:
Дорогая гостья ѣдетъ.
А невѣстущка-то молвить:
Ужъ какъ чортъ это—не гостья,
Изъ иной избы-то кошка!
Ужъ какъ эта бы да гостья
Хоть бы весь вѣкъ не бывала
И двора бѣ мово не знала,
Ко двору бѣ слѣда не клала..
Къ воротамъ сноха выходитъ,
Выкликаетъ злыхъ собачекъ:
Улю-лю-лю, вы, собачки,
Улю-лю-лю, вы, борзья..
Улю-лю-лю, вы, возьмите
Улю-лю-лю, разорвите,
Ея кости размечите..
Какъ пошла де-су ¹⁾ сестрица
И слезами залилася,

¹⁾ Sic. „Князь Иванъ-су“, говорятъ монахи въ посланіи Ивана Грознаго въ Кприлловскій монастырь. Сокращеніе словъ: осударь, осударыня (?)

Во слезахъ рчь говорила:
 Пропади моя сторонка,
 Зарости моя дорожка,
 Что травомъ полыньею
 И цвѣтами—пустодвѣтомъ.
 Ты прости-прости, мой братецъ...
 Ужъ какъ дай же, Боже, братецъ,
 Хотъ бы вѣкъ миѣ не бывати
 И двора бѣ твое не знати,
 Ко двору слѣда не класти.

Въ редакціи, записанной мною подѣ цыганское пѣніе—тонъ и краски гуще, темнѣе и трагичнѣе; но варіантъ Новиковскаго пѣсенника во всякомъ случаѣ очень важень.

Отъ пѣсенниковъ Новиковскаго и Чулковскаго, на значеніе которыхъ я хотѣлъ только указать и которые стоѣтъ подробнаго изслѣдованія, я, минуя другіе пѣсенники, издававшіеся уже съ чисто-коммерческими цѣлями, и минуя сборники музыкальные—Трутовскаго, Рупини, Прача, Кашина, обращаюсь прямо къ единственно серьезному, хотя только-что начатому труду покойнаго друга моего М. А. Стаховича, труду гораздо болѣе важному въ отношеніи къ тексту, чѣмъ въ отношеніи къ музыкѣ,—въ музыкальномъ отношеніи ¹⁾). Матеріалы, имъ собранные, для того, чтобъ перейти въ общее достояніе, должны быть еще разъ переработаны какимъ-либо очень даровитымъ музыкантомъ. Стаховичъ далъ въ своихъ пѣсняхъ собраніе матеріаловъ весьма важныхъ и до сихъ поръ никѣмъ не тронутыхъ; какъ собиратель, исполнилъ дѣло съ большимъ тактомъ и необыкновенною добросовѣстностью, представилъ, кромѣ того, въ предисловіяхъ ко второй и третьей тетрадамъ, весьма замѣчательный взглядъ на музыкальное построеніе русской пѣсни, но въ аранжированіи мало заботился о иростотѣ и естественности, а вмѣстѣ и о логичности и красотѣ гармоніи. Что мелодіи записаны имъ совершенно вѣрно—въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія; что онъ лучше всѣхъ другихъ музыкантовъ, доселѣ занимавшихся русскою пѣснью, вникнулъ въ значеніе заиѣвовъ и другихъ особенностей мелодіи—это такъ же

¹⁾ „Собраніе русскихъ народныхъ пѣсней“ М. А. Стаховича вышло въ свѣтъ въ четырехъ тетрадкахъ въ 1851—54 гг. и заключаетъ въ себѣ лично записанныя и положенныя на ноты пѣсни кресгьянъ Орловской, Воронежской и Тамбовской губ. Каждая тетрадка снабжена предисловіемъ.

несомнѣнно, и за все это онъ заслуживаетъ величайшей благодарности, равно какъ и за мысль аранжировать напѣвы, приложенные при изданіи Кирши Данилова. Стаховичъ принялся за дѣло съ большими музыкальными знаніями; но общее правило, что замѣчательный поэтический талантъ рѣдко дается вмѣстѣ съ таковымъ же музыкальнымъ, сбылось и въ настоящемъ случаѣ. Стаховичъ, далеко не въ такой степени даровитый музыкантъ, въ какой является онъ даровитымъ поэтомъ-лирикомъ и вообще писателемъ: музыкальные труды его—дѣло одного знанія, и отъ этого-то, какъ кажется намъ, происходитъ, съ одной стороны, крайняя бѣдность, а съ другой, отсутствіе простоты въ гармонической части его аранжировокъ: изъ различныхъ трудностей, представляющихся при согласованіи мелодіи, долженствующей остаться въ томъ видѣ, въ какомъ народъ ее создалъ, съ гармоніею, которая подлежитъ художественной обработкѣ, изъ всѣхъ этихъ трудностей Стаховичъ выходилъ не путемъ вдохновенія, а путемъ труда; намъ, кажется даже, что онъ искалъ тутъ странно-стей или неясностей.

Пояснивъ мысль о главномъ музыкальномъ недостаткѣ труда Стаховича, который все-таки остается лучшимъ и добросовѣстнѣйшимъ на этомъ полѣ, познакоимъ теперь читателей съ содержаніемъ четырехъ тетрадей пѣсенъ, записанныхъ Стаховичемъ большею частью въ степныхъ губерніяхъ, именно въ Орловской, Тамбовской и Воронежской.

Тетрадь первая заключаетъ въ себѣ девять пѣсенъ. Первая изъ нихъ бурлацкая, замѣчательная какъ по тексту, такъ и по мелодіи, необыкновенно широкой, которая, впрочемъ, извѣстна намъ съ мелодіей, нѣсколько измѣненной и съ вариантами въ текстѣ. Приведемъ ее здѣсь такъ, какъ мы ее слышали и записали.

Ты, взойди, взойди, солнце красное,
 Надъ горою да надъ высокою (2)
 Надъ долиною надъ широкою (2).
 Обогрѣй ты насъ, добрыхъ молодцовъ,
 Добрыхъ молодцовъ—сиротъ бѣдныхъ,
 Сиротъ бѣдныхъ, людей бѣглыхъ.
 Какъ повыше-то было села Юркина,
 Какъ пониже-то было села Лыскова,
 Протекала тамъ рѣчка быстрая,
 Рѣчка быстрая, славна Торженка.
 Что никто по ней ни проѣзживалъ,

Никто слѣдину не прокладываль.
Что плыла по ней косна лодочка,
Косна лодочка все разбойничья.
На носу-то стоитъ есаулъ со багромъ,
На кормѣ-то стоитъ атаманъ съ ружьемъ.
Посередь лодки бѣлъ тонкой шатеръ:
Подъ шатромъ лежитъ золота казна;
На казнѣ сидитъ красна дѣвица.
Говорить она таково слово:
Ужъ какъ мнѣ, молодой, мало спалося,
Мало спалося, много видѣлось;
Не хорошъ-то мнѣ сонъ пригрезился:
Атаману-то быть повѣшену,
Есаулу-то быть застрѣлену,
А вамъ, молодцамъ, всѣмъ въ тюрьмѣ сидѣть,
Мнѣ-то дѣвушкѣ быть на волюшкѣ.

Текстъ этой пѣсни, какъ она напечатана въ собраніи г. Стаховича, представляетъ много разностей; но слѣдующее прекрасное мѣсто въ немъ,

Шли два плотничка, два ли расторопничка,
Они строили церковь славную, и т. д.

едва ли не есть вставка изъ другой пѣсни. Упоминаніе въ нѣсиѣ имени Стеньки Разина не можетъ служить ручательствомъ за древность текста и тѣмъ менѣе за его цѣлость: Стенька Разинъ имя уже нарицательное въ пѣсняхъ. Кстати или некстати, приведемъ здѣсь одну разбойничью пѣсню:

Что свѣтиль-то свѣтиль мѣсяцъ во полночи
Свѣтиль въ половину.
Что скакаль-то скакаль одинъ добрый молодець
Безъ вѣрной дружины.
Что гнались-то гнались за тѣмъ добрымъ молодцомъ
Вѣтры полевые.
Что свистять-то свистять въ уши разудалому
Про его разбой.
Что горять ли горять по всѣмъ по дорожкамъ
Костры сторожевые:
Что слѣдятъ ли слѣдятъ молодца-разбойничка
Царскіе развѣзды:
Что сулятъ ему сулятъ въ Москвѣ бѣлокаменной
Каменны палаты,
Что и тѣ ль палаты—два столба точеные
Столбы съ перекладиной!

2-я пѣсня у Стаховича, хороводная и плясовая: „Голова ль моя, ты головушка“, извѣстная теперь и образованному кругу, благодаря комедіи Островскаго. Въ другихъ тетрадяхъ Стаховичъ представилъ варианты текста и мелодіи этой пѣсни; еще вариантъ я слышалъ отъ одного весьма незатѣйливаго цыганскаго хора подѣ Новинскимъ.

3-я пѣсня, замѣчательная по превосходной мелодіи своей, но съ текстомъ почти столько же исковерканнымъ въ началѣ, какъ и „Улетаетъ мой соколикъ“.

По несчастіицу, мой другъ, случилось—
Я въ измѣнничка влюбилася:
Показался мнѣ измѣпщичекъ
Пуще свѣту, пуще бѣлаго,
Краше солнца, краше краснаго.
Хорошо тому, мой другъ, на свѣтѣ жить,
У кого нѣту заботушкп
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.

Тѣмъ не менѣе, однако, народный порченый текстъ лучше печатнаго порченнаго у г. Сахарова (ч. 3-я, стр. 79). Пѣсня эта извѣстна намъ еще въ слѣдующемъ вариантѣ.

Хорошо тому на свѣтѣ жить,
У кого нѣту заботушки,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушки.
У меня ли у младешеньки
Есть великая заботушка,
Въ ретивомъ сердцѣ зазнобушка.
Ужъ какъ первая зазнобушка—
Мужъ худая-то головушка;
А другая-то заботушка—
Обуяли малы дѣтушки;
Ужъ какъ третья-то зазнобушка—
Зазнобилъ сердце сердечный другъ,
Зазнобивши онъ повысушилъ.
Отсмѣю же я другу насмѣшечку,
Я сама друга повысушу,
Что не злыми кореньями,
Я моими горючьими слезьми:
Не достанься же мой милый другъ
Что не мнѣ и не моей сестрѣ,
Не моей сестрѣ разлучницѣ,—
А достанься же мой милый другъ
Сырой землѣ, гробовой доскѣ.

4-я пѣсня: „Зеленѣ мое ты винограде“—хороводная и весьма игривая по голосу, съ превосходнымъ текстомъ.

5-я пѣсня: „Ахъ и скучно мнѣ, дѣвчонкѣ“, опять съ порченнымъ текстомъ; по порченности народная такова, что ее легко отличить отъ ученой. Приведемъ, на примѣръ, эту пѣсню и еще нѣсколько испорченныхъ, чтобъ вывести изъ нихъ нѣкоторымъ образомъ намеки на законы, по которымъ порча происходитъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ самой порчѣ подмѣтить нѣсколько приемовъ народнаго творчества.

Вотъ пѣсня у г. Стаховича:

Ахъ и скучно мнѣ, дѣвчонкѣ,
Знать, мнѣ скоро умереть.
Вы подите, приведите,
Кого вѣрно я люблю,
Люблю дѣвка молодчика
Кудрявую голову.
Онъ мой милый, бѣлъ-кудрявый,
По проулочку пройдетъ,
Пройдетъ милый по проулку,
Ко мнѣ въ гости не взойдетъ.
Мостятъ мосты, кладутъ мостовины,
Гдѣ бы милому пройти.
Прошелъ милой по мосточку,
Пошатнулся, потонулъ.
Ужъ вы братцы, рыболовы,
Закидайте невода,
Ищите милаго дружка.

Порча коснулась только начала; все остальное, со словъ: „Кудрявую голову“, повлеклось, такъ сказать, впередъ по закону необходимости, по общимъ кореннымъ законамъ народнаго лиризма, по формамъ изстариннымъ, извѣчнымъ: эпитетъ рождаетъ здѣсь образъ, образъ драматизируется и т. д.

Возьмемъ еще одну изъ самыхъ порченныхъ пѣсенъ, порченныхъ отъ начала до конца („Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губерній“, стр. 59 ¹⁾):

Нѣтъ на свѣтъ мнѣ горчѣ—
Прежестокая любовь
Покидаетъ, оставляетъ
На несчастной сторонѣ.

¹⁾ Сборникъ, изданный въ 1847 году А. Смирновымъ.

Примч. В. С.

Я вечеръ млада заснула,
Дружка видѣла во снѣ.
Я проснулась, вдохнула—
Закипѣла кровь во мнѣ.
Говорила я милому,
Любезному своему:
„Если я *тебѣ* не понравлюсь,
Сошли на *свѣ* сторону меня;
Если ты *тѣмъ*, другъ, не доволенъ,
Возьми въ руки пистолеть,
Прострѣли ты грудь мою:
Я на вѣки буду спати
Отъ любви отъ твоей“.

Явно съ перваго взгляда, откуда пришла порча, то-есть, какъ родилась вся эта пѣсня, которая поется, однако, на голось, очевидно, старый. Порча тутъ отъ цивилизаціи фабрикъ, съ ея пристрастіемъ къ разнымъ новымъ, столичнымъ словамъ, употребляемымъ безъ смысла и некстати, для одного только блеска; отъ цивилизаціи трактировъ и погребковъ, съ ихъ гитаристами, торбанистами и чувствительными романсами.

Пѣсня, нами выписанная, вся пропитана этой цивилизаціей; но вотъ пѣсня съ слѣдами порчи въ началѣ и по мѣстамъ, но опять созданная по общимъ законамъ народнаго творчества и, за исключеніемъ немногихъ мѣстъ, отличная:

Не велятъ Машѣ на улицу ходить,
Не велятъ Машѣ молодчика любить,
Ей молодчика молоденькаго,
Неженатаго, холостенькаго.
*Холостой парень любитель дорогой,
Онъ не чувствуетъ любви, злодѣй, никакой.*
Такова любовь на свѣтѣ горяча,
Горяча любовь, слезами она облита.
Какъ у Машеньки заплаканы глаза,
У красавицы затерто бѣлое лицо.
Вечеръ, милый другъ гуляли съ тобою,
На другой вечеръ прибили меня за тебя,
За тебя ли удалого молодца.
Ужъ я съ тѣхъ поръ въ постелюшку слегла,
Во постели три недѣли лежала,
На четвертую выздоравливать стала,
Я на пятую въ зеленый садъ пошла.
Мимо роци, мимо зѣлена сада,
Пролежала тутъ дороженька торна,
Что торна-торна, пробита она до песка.

Ужь и кто-жь эту дорожку проториль?
Холостой парень ко дѣвушкѣ ходиль,
Много злата, много сѣребра носиль,
Безъ разсчета золотой казной дариль.
Какъ за это его батюшка браниль,
Какъ за эти за худыя за дѣла,
Какъ за эти за поздныя вечера.

Есть наконецъ пѣсни, которыя творятся въ народѣ простодушно, подъ вліяніемъ чувства искренняго и по-старому, но къ которымъ примѣшиваются бессмысленныя выраженія фабричной цивилизаціи:

Несчастливенька я на свѣтъ рождена,
Безталантлива *всѣ* любви *превозмо*,
Полюбила я удалаго молодца,
Удалаго молодца—солдатика браваго.
Онъ разбестій-то солдатъ—онъ измучиль, истерзаль,
Онъ измучиль, истерзаль—чужу сторону спозналь.
На чужой-то сторонѣ онъ иную полюбиль,
А меня-то молоду онъ на вѣки погубиль;
Онъ заставиль-то, злодѣй, вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть,
Вѣкъ во дѣвушкахъ сидѣть, худу славушку терпѣть;
Отъ худой-то славы никто замужъ не беретъ.

6-я пѣсня въ первой тетради—величальная, равно какъ и 9-я, 7-я — свадебная и еще пѣсня 8-я — „Печальное мое сердце“: вотъ и все содержаніе первой тетради, въ которой всѣ пѣсни снабжены двойнымъ аккомпаниментомъ—фортепианнымъ и гитарнымъ. Гармоническая часть въ трудѣ г. Стаховича вообще очень слаба, какъ мы уже говорили; но намъ удивительно преимущественно то, что гитарный аккомпаниментъ крайне сухъ и бѣденъ у г. Стаховича, который самъ принадлежитъ къ числу извѣстныхъ гитаристовъ—учениковъ покойнаго М. Т. Высоцкаго.

Перейдемъ ко второй тетради, въ которой счетомъ десять номеровъ. Первая пѣсня—ямская. Названіе ея ямскою намъ кажется несовсѣмъ удачнымъ: она столько же ямская, какъ „Не одна-то во полѣ дороженька“, „Ахъ ты степь ли моя“ и т. д. Если раздѣлять русскія пѣсни по классамъ людей, которыми онѣ преимущественно поются, то Богъ знаетъ, сколько отдѣловъ принуждены мы будемъ допустить. Во всякомъ случаѣ, эта пѣсня превосходна и по тексту, и по мотиву. Ее поютъ и наши цыгане, между-прочимъ. Въ многообразныхъ вариантахъ ея текста

представляется столько общаго по чувству и по содержанію съ „Дороженькой“, что иногда слова одной попадаютъ у пѣвцовъ въ другую. Такъ, напримѣръ, въ „Дороженькѣ“, какъ поетъ ее О. Л. Лазаревъ, встрѣчаются стихи изъ „Зари“, и это не случайно. Между пѣснями, различными по мелодіямъ, бываетъ иногда сродство въ лирическомъ мотивѣ текста. Нигдѣ это сродство не кидается такъ въ глаза, какъ въ вариантѣ владимірскомъ, который полнѣе варианта, напечатаннаго у г. Стаховича, хотя текстъ сего послѣдняго, кажется, чище.

Вотъ владимірскій вариантъ („Пѣсни крестьянъ Владимірской и Костромской губерній“, стр. 12):

Ты заря ли, вечерняя зоринька,
Ты заря вечерняя была,
Не дала же намъ вечерняя зоринька
Съ поля убраться не дала.
Захватила-жъ меня, добрава молодца,
Во полѣ погода, съ вѣтромъ, холодна.
Кабы были же у меня молодца
Служаночки вѣрныя были при мнѣ,
Заложили же бы мнѣ тройку сѣропѣгихъ лошадей,
Ужъ я съѣлъ бы, добрый молодецъ,
Сѣлъ бы я, поѣхалъ со поля домой:
Я со всѣми-то со красными дѣвушками,
Со всѣми простился, добрый молодецъ,
И съ одною-то со красной дѣвушкой
Забылъ распроститься, съ нею позабылъ.
Со пути-то ли съ московской дороженьки
Назадъ воротился добрый молодецъ;
Я заѣхалъ-то ко своей сударушкѣ, добрый молодецъ:
Здоровенько ли ты, моя сударушка,
Живешь-поживаешь,—ты вѣдь безъ дружка?
Расплохое-то мое здоровьице
Безъ дружка милаго, еще безъ дружка;
Тесова-то нова кроватушка
Пуста простояла еще безъ дружка,
Соболиное новое одѣялице
Во ногахъ пролежало, оно во ногахъ;
Пуховыя-то новы подушечки
Въ слезахъ потонули онѣ во слезахъ.

Дѣло въ томъ, что какъ „Заря“, такъ и „Дороженька“, пѣсни прощальныя, вышедшія, такъ сказать, изъ одного лирическаго мотива, и сходство между ними нимало не удивительно.

Еще превосходиѣе, и по широтѣ мелодіи, и по тексту, вторая

пѣсня второй тетради; текстъ ея помѣщенъ у г. Стаховича, къ сожалѣнію, далеко не вполне. Позволяемъ себѣ привести его здѣсь такъ, какъ мы слышали и записали, и думаемъ, что за полное знакомство съ однимъ изъ отличныхъ произведеній народнаго творчества весьма многіе намъ будутъ благодарны. Жаль опять только, что, сохранивъ въ чистотѣ широту и ясность мелодіи, г. Стаховичъ весьма неудовлетворительно разработалъ гармоническую часть, и желательно, чтобъ даровитый музыкантъ обработалъ эту удивительную пѣсню. Вотъ текстъ ея:

Никакъ не возможно мнѣ безъ печали жить,
Любить дружка можно мнѣ—нельзя по немъ не тужить,
Нельзя не тужить...
Хорошъ, пригожъ миленькій—всѣмъ сердцемъ больно горячъ.
Всѣмъ сердцемъ горячъ...
Вздумаю про милого—не милъ дѣвкѣ бѣлый свѣтъ,
Не милъ бѣлый свѣтъ...
Не милъ дѣвушка бѣлый свѣтъ—бѣжала бъ я въ лѣсъ,
Бѣжала бъ я въ лѣсъ...
Въ лѣсу пользы нѣту мнѣ—все листья шумять,
Все листья шумять...
Шумять, шумять листики, пошумливаютъ,
Пошумливаютъ.
А намъ съ тобой, милый другъ, разлуку они даютъ
Разлуку даютъ...
Разлука-разлучница—чужая дальняя сторона,
Чужая сторона...
Чужая сторонushка—незнакомая,
Незнакомая...
Ходилъ гулять молодецъ по темнымъ по лѣсамъ,
По темнымъ лѣсамъ...
Стрѣлялъ разудаленькій по частымъ по кустамъ,
По частымъ кустамъ...
Застрѣлилъ онъ дѣвицу въ ретивое во сердцѣ,
Въ ретивое сердцѣ...
Не гнѣвайся, дѣвушка, любя тебя застрѣлилъ,
Любя застрѣлилъ...
Не стой, не стой, красная, подъ частымъ кустомъ,
Подъ частымъ кустомъ...
Подъ частымъ кустомъ съ инымъ молодцомъ,
Съ инымъ молодцомъ...
Не то-то мнѣ тошно-то, что ты съ нимъ стоишь,
Что ты съ нимъ стоишь...
А больше досадно мнѣ—про что говоришь,
Про что говоришь...

Клялася ему, божилася—право, его не люблю,

Его не люблю...

Право, не люблю—за тебя замужъ пойду.

Невѣжество образованныхъ и даже ученыхъ людей въ народной словесности таково, что ихъ, вѣроятно, удивить такая пѣсня; но мы скажемъ имъ, что это только одна изъ тысячи ей подобныхъ по глубинѣ чувства, по художественности приемовъ и по драматизму. Приведемъ еще пѣсню въ этомъ же родѣ, столь же, если не болѣе еще, замѣчательную:

Добрый молодець похаживаетъ,
Калену стрѣлу натягиваетъ: (2)
Ты лети-лети, *калинова* стрѣла,
Выше лѣсу по поднѣбесью,
Ниже солнца по сырой землѣ,
Ты убей-убей, *калинова* стрѣла,
На полетѣ яснаго сокола,
На походѣ удалаго молодца,
Съру утицу на Волгѣ,
Сизаго голубя на каменной стѣнѣ,
Красну дѣвицу въ высокомъ теремѣ.
Събра утица—*вѣста* моя,
Красна дѣвица—невѣста моя,
Сизый голубь—забавушка моя,
Добрый молодець—досадушка моя!

Третья пѣсня—солдатская, и притомъ относящаяся къ событіямъ почти современнымъ: мы слыхали ее, впрочемъ, съ другимъ началомомъ, именно:

Графъ Паскевичъ Ариванскій
Подъ Аршавою стоялъ...

и знаемъ еще пѣсню владимірскую, народную, относящуюся къ тѣмъ же событіямъ. Всѣ такія пѣсни, если только онѣ не сочинены ученымъ поэтомъ, въ высшей степени драгоценны во многихъ отношеніяхъ, а особенно въ томъ, что показываютъ наглядно, очевидно, какъ у народа все современное лишается въ пѣснѣ своего современнаго характера и получаетъ общій эпическій, коренной, старый. Кромѣ того, въ пѣсняхъ этого рода поразителенъ, подъ-часъ, старый же народный смыслъ, до такой степени крѣпкій и здоровый, до такой степени проникающій въ историческія, давнія основы событій, что остается только уди-

вляться ему. Вотъ, напримѣръ, какъ начинается владимѣрская пѣсня:

Въ тридцать первомъ году,
Объявлялъ полякъ войну
На матушку на Москву,
На Смоленску губерню и т. д.

Такое начало заставитъ призадуматься. Во-первыхъ, пѣсня сложена по тѣмъ же законамъ, по какимъ сложилась старая пѣсня про Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Обѣ пѣсни начинаются даже годомъ; въ обѣихъ событія потеряли свой историческій характеръ и главные герои обратились въ эпическихъ; но смыслъ событій уцѣлѣлъ. Повѣрьте, что народъ не даромъ поставилъ: „На Смоленску губерню“. Напрасно думаютъ, что онъ не помнитъ стараго; онъ, можетъ быть, лучше ученыхъ историковъ понимаетъ его историческіе законы, потому что носить ихъ въ себѣ непосредственно и цѣльно.

Четвертая пѣсня—свадебная, прекрасная и по словамъ, и по голосу; но еще лучше ея слѣдующая, шестая: „Ой, Иванъ-то ты, Иванъ“. Замѣтимъ только, что г. Стаховичъ кладетъ голоса или слишкомъ высоко, или слишкомъ низко: „Ой, Иванъ“ положенъ для тенора довольно высоко, ибо не у всякаго изъ обыкновенныхъ теноровъ есть чистое la, а для фистулы низко, и такой промахъ сдѣланъ въ отношеніи ко многимъ пѣснямъ. Седьмая пѣсня изъ сказки объ „ворѣ гудочникѣ“, замѣчательная, какъ одинъ изъ явныхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ скоморошничества. Восьмая—плясовая, на мотивъ, извѣстный подъ общимъ названіемъ „комаринскаго“: изъ различныхъ текстовъ на этотъ мотивъ (съ большими или меньшими измѣненіями его, сообразно словамъ), мы позволимъ себѣ привести одинъ изъ наиболѣе употребительныхъ:

Куманечекъ побывай у меня,
Животочекъ побывай у меня,
Побывай-бывай-бывай у меня.
Я бы радъ побывать, побывалъ,
Побывалъ-бывалъ-бывалъ у тебя:
У тебя ли, кума, улица грязна,
Что грязна-грязна-грязна-грязна-грязна.
Ужъ и я ли тому горю помогу,
Помогу-могу-могу-могу-могу,
Черезъ улицу мостокъ намощу,
Намощу-мощу-мощу-мощу-мощу,
Куманечекъ и т. д.

У тебя ль, кума, собачка лха,
Вотъ лиха-лиха-лиха-лиха,
Ужь и я ли тому горю помогу,
Помогу-могу-могу-могу-могу,
Я собачку на цѣпочку привяжу,
Привяжу-вяжу-вяжу-вяжу-вяжу,
Куманечекъ и т. д.
У тебя ли, кума, старушка лиха,
Вотъ лиха-лиха-лиха-лиха-лиха,
Ужь и я ли тому горю помогу,
Помогу-могу-могу-могу-могу,
Я старушкѣ косушку куплю и т. д.

За симъ помѣщены у г. Стаховича три хороходныя игры. Тексты, къ сожалѣнію, напечатаны не вполне, и странно вообще, что въ собраніи г. Стаховича мало пѣсенъ хороходныхъ, которыхъ отдѣлъ весьма важенъ.

Хороходныя пѣсни едва ли не преимущественно выражаютъ собою народное міросозерцаніе и принадлежать къ роду эпическому, а не лирическому. Хоръ имѣетъ значеніе, равное хору въ греческихъ трагедіяхъ, по смыслу истинъ, которыя имъ высказываются, какъ и самыя хороходныя игры являются нѣкоторымъ образомъ первыми попытками перевести эпическое въ драматическое.

Третья тетрадь собранія Стаховича начинается предисловіемъ, весьма значительнымъ по заключеніямъ. Г. Стаховичъ полагаетъ, что пѣснямъ древнимъ свойственъ преимущественно музыкальный метръ въ $\frac{2}{4}$; съ другой стороны, онъ сводитъ нѣсколько различныхъ мотивовъ въ одно цѣлое, такъ что каждая пѣсня является органическою частью цѣлаго отдѣла родственныхъ пѣсенъ. „Вотъ причина“, говоритъ онъ весьма справедливо, „почему при собраніи пѣсенъ не должно пренебрегать малѣйшими вариантами, не должно выбирать „интереснѣйшую“ пѣсню, а бросать другую, которая, кажется, поется съ нею на одинъ „голосъ“. Мы видимъ, продолжаетъ онъ далѣе, что для полнаго уразумѣнія темы необходимо видѣть ея мѣсто въ цѣлой системѣ вариантовъ: такой обработки русскихъ пѣсенъ мы не имѣемъ; отъ того и слышимъ мы отъ любителей русскаго пѣнія жалобы, что „русскихъ пѣсенъ нельзя узнать въ ихъ музыкальной обработкѣ“. Это естественно; кто наслушался русскаго пѣнія и ознакомился съ музыкальными оборотами русскихъ пѣсенъ, тотъ пользуется общимъ

впечатлѣніемъ ихъ склада, и самая особенность, которую музыкальная обработка придаетъ одной темѣ, его шокируетъ или по крайней мѣрѣ не удовлетворяетъ его.

Но дѣло одно—задача, и дѣло другое—выполненіе. Мысль Стасовича о наибольшемъ собраніи матеріаловъ была въ высшей степени вѣрна и основательна, равно какъ основательны были и жалобы любителей русскаго пѣнія. Но самый опытъ его, какъ по натурѣ не музыканта, не удовлетворилъ, да и не могъ удовлетворить никого. Что касается до прежнихъ музыкальныхъ сборниковъ пѣсенъ: Прача, Кашина, Рупини, Трутовскаго, то, не смотря на то, что всѣ труды эти были, по ихъ времени, труды весьма почтенные, въ нихъ нѣтъ и тѣни пониманія и воспроизведенія русской пѣсни, какъ особаго поэтически-музыкальнаго цѣлаго. Всѣмъ этимъ, по-своему, впрочемъ, даровитымъ и почтеннымъ господамъ мѣшали рутинныя формы. То же самое можно сказать и о большей части новѣйшихъ аранжировокъ.

IV.

Вотъ, между тѣмъ, и все, что сдѣлано до сихъ поръ для русской пѣсни съ ея поэтической и музыкальной стороны.

Спрашивается, отчего же сдѣлано такъ мало и отчего даже это немногое сдѣлано такъ неудовлетворительно? Отъ того, что за дѣло тутъ принимались люди часто трудолюбивые, часто талантливые—но не прямо относившіеся къ дѣлу, т.-е. къ пониманію народнаго вообще и народной пѣсни въ особенности, и къ самымъ *источникамъ* этого дѣла.

Источники—поющіе русскіе люди обоого пола, и притомъ: 1) поющіе съ нѣкоторымъ искусствомъ, одни, или хоромъ, пѣвцы, или пѣсенники; 2) поющіе для собственной забавы, тоже одни или хоромъ; 3) поющіе съ аккомпаниментомъ какого-нибудь инструмента, или безъ онаго.

Прежде чѣмъ говорить о каждой категоріи въ отдѣльности, скажемъ одно: русская пѣсня не такъ легко дается въ руки, какъ другія: не то, чтобъ она хоронилась отъ людей, какъ таинственное преданіе, какъ пѣсни бретонскія, напримѣръ, но она не любитъ являться по заказу и выставяться на показъ: это ея основное свойство. Хохоль, напримѣръ, споетъ одинъ для публики множество своихъ пѣсенъ, сопровождая каждое слово соответству-

ющимъ слову жестомъ, по своей южной природѣ. Попробуйте великорусскаго человѣка поставить одного передъ публикой съ его пѣсней: ему будетъ неловко; его и наединѣ-то умѣючи да умѣючи, можно—не говорю: заставить пѣть, но—довести до пѣнія. Мудреное дѣло расшевелить его: огонь въ немъ, какъ и въ самой его пѣснѣ, не вспыхиваетъ порывами, а сосредоточенъ внутри. Не было еще примѣра, чтобъ великорусскій человѣкъ выступалъ передъ публикой съ своими пѣснями одинъ, какъ выступаетъ, на примѣръ, съ малороссійскими пѣснями извѣстный пѣвецъ Карпенко. На великорусскую пѣсню можно наводить только; къ ней нуженъ подходъ: подошелъ успѣшно—тогда лови ее! Она льется сама тогда свободно, безконечно, разнообразно—вотъ общее замѣчаніе. Перейдемъ къ частностямъ.

Пѣвцовъ, поющихъ съ нѣкоторымъ искусствомъ, мы раздѣлили на поющихъ въ одиночку и поющихъ хоромъ... Нечего говорить о томъ, что пѣвцовъ-самородковъ обоюго пола, обладающихъ и необычайными средствами голоса и поразительнымъ музыкальнымъ чутьемъ, встрѣтится на Руси великое множество. Объ этомъ можно говорить, какъ о новости, развѣ только людямъ, незнакомымъ съ дѣломъ. Значеніе этихъ пѣвцовъ, какъ источниковъ, важно больше въ музыкальномъ отношеніи, въ отношеніи къ напѣвамъ нѣсенъ, чѣмъ въ поэтическомъ отношеніи къ ихъ текстамъ. Пѣвцы поютъ ограниченное число пѣсенъ, выработанныхъ ими, и притомъ одну пѣсню на десять романсовъ, занесенныхъ Богъ вѣсть откуда. Надобно сказать, что и тѣ романсы, которые ими прочувствованы, поютъ они мастерски; но не слѣдуетъ только забывать той черты, которая характеризуетъ всегда самаго талантливаго самородка—отсутствіе критики, разборчивости,—черта, которая подмѣчена, на примѣръ, Островскимъ въ его Митѣ („Бѣдность не порокъ“), читающемъ Кольцова, и между тѣмъ весьма патетически произносящемъ стихи конфетнаго билетца: „Что на свѣтѣ пружестоко? Пружестока есть любовь“... Это вы встрѣтите во всякомъ самородкѣ, музыкальномъ и поэтическомъ. Дѣло въ томъ, что самородка надо брать такъ, какъ онъ созданъ подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ, съ одной стороны, не возмущаясь порчей и безвкусіемъ, которыя пристажи къ его богатой натурѣ отъ *образованности* фабрикъ, погребковъ и трактировъ и т. п.; съ другой стороны, не надо сердиться и за то, что онъ по-своему передѣлываетъ тексты и мотивы хорошихъ или дурныхъ романсовъ.

Самородка, словомъ, должно брать, какъ самородка... почти какъ растеніе.

Меня въ правѣ спросить, впрочемъ, что я разумѣю подѣ самородкомъ?

Вѣдь, собственно говоря, всякій талантъ есть самородокъ, и чѣмъ талантъ выше, тѣмъ самородная сторона его богаче. Но когда мы говоримъ „самородокъ“, то беремъ, конечно, не понятіе о талантѣ вообще, а понятіе гораздо менѣе обширное.

На первый взглядъ самородокъ, въ полномъ смыслѣ, опредѣляется, какъ талантъ, такъ сказать, голый, въ которомъ непосредственныя данныя предоставлены произвольному развитію, талантъ, живущій внѣ прикосновеній съ сферою развитою, съ сферою науки, искусства, цивилизованной жизни.

Но такое понятіе есть чисто отвлеченное, чуть ли не столько же отвлеченное, какъ понятіе о человѣкѣ внѣ условій цивилизаціи. Въ какой бы темной и неразвитой средѣ самородокъ не родился, все-таки эта среда состоитъ же въ *непосредственномъ* соприкосновеніи съ другою, менѣе темною сферою и въ *посредственномъ* съ другими, еще менѣе темными, по своему, болѣе или менѣе ясно отражающими господствующія идеи, понятія, чувства, вкусъ; симпатіи и антипатіи вѣка. Въ формахъ, часто уродливыхъ, заносятся въ эти сферы многія понятія изъ другихъ сферъ, хотя бываетъ, съ другой стороны, тоже, что заносятся иногда только одни слова, получающія часто въ сферахъ, куда они занесены, значеніе совершенно иное, нежели то, какое имѣютъ они въ сферахъ, откуда заносятся. Состоя въ соприкосновеніи съ своею средою, натура самороднаго таланта принимаетъ отъ среды впечатлѣнія.

Но самородокъ, какъ ясно изъ самаго слова, самъ родился, то есть въ немъ самомъ, и только въ немъ одномъ, заключается тонкое чутье, непосредственно Богомъ данное пониманіе многого такого въ умственной, нравственной и художественной сферѣ, что окружающей его средѣ темно или недоступно. Слова, употребляемые другими изъ подражанія, для курьезу, для блеска, наводятъ его на мысли; звуки, искаженные другими его окружающими, но явно занесенные откуда-то, будятъ въ немъ тревожно его тонкіе органы; стихи, тоже занесенные и даже изуродованные, дѣйствуютъ на него иначе, чѣмъ на другихъ,—словомъ, чутье наводитъ его на многое, другимъ недоступное. Онъ самъ начинаетъ пѣть

или слагать стихи, примѣриваться къ гитарѣ, къ торбану. Случайно попадается ему разрозненный томъ стихотвореній, случайно услыхалъ онъ цыганъ или какого-нибудь пѣвца-дилетанта, случайно какой-нибудь пропившійся гитаристъ показалъ ему, какъ говорится технически, гриффъ—и что жъ? происходитъ явленіе поистинѣ странное. Кто знаетъ по опыту, какъ трудно бываетъ учителю словесности вдолбить въ голову какому-нибудь избалованному ученику, или пятнадцатилѣтней барышнѣ, говорящей на разныхъ діалектахъ, чтò значить удареніе на первомъ или второмъ слогѣ, на первомъ, второмъ или третьемъ слогѣ трехсложнаго слова (объ удареніяхъ пиррихическихъ и проч. нѣчего и говорить)—кто видѣлъ, какъ бѣсится добросовѣстный фортепьянный учитель, когда ученикъ или ученица изъ образованнаго общества немилосердно ошибаются въ простомъ счетѣ l'une, l'autre, une-et-deux-et-trois-et..; кому достаточно истерзали слухъ фальшивыя ноты многихъ учившихся пѣть по всевозможнымъ правиламъ, ноты, нисколько не оскорбляющія, однако, тонкаго и нѣжнаго слуха поющихъ господъ и госпожъ—тому явленія, совершающіяся въ натурѣ самородка, покажутся просто чудесами. Да они и въ самомъ дѣлѣ чудесны. Почиталъ самородокъ нѣсколько стихотвореній—онъ самъ слагаетъ стихи съ полнымъ чувствомъ размѣра; послушалъ онъ какого-нибудь пѣвца—онъ уже поетъ его романсы, и поетъ хотя по-своему, но такъ, что ни одной оскорбительной ноты вы не услышите; показали ему гриффъ—больше ничего—черезъ мѣсяць лѣвая рука у него быстро бѣгаетъ по ладамъ, отыскивая, разумѣется, простѣйшихъ созвучій, но никогда не соединяя неродственныхъ тоновъ, переходя иногда рѣзко и смѣло, но не фальшиво.

Мало этого. Три рода воспріимчивости даются человѣческимъ натурамъ: 1) одинъ видитъ во всемъ новомъ, ему представляющемся, ту сторону, которая въ новомъ сродственна съ прежнимъ, ему извѣстнымъ; 2) другого во всемъ новомъ поражаетъ только рѣзкая, отличительная особенность этого новаго, которую онъ и вносить въ душу свою, въ разорванности со всѣмъ прежнимъ; 3) третій, наконецъ, иногда съ перваго, иногда не съ перваго раза, совсѣмъ овладѣваетъ новымъ явленіемъ и вносить его въ душу цѣлостно, какъ особенное, но находящееся между тѣмъ въ гармонической связи со многимъ, уже прежде имъ воспринятымъ.

Объяснимъ нагляднѣе каждый изъ этихъ родовъ воспріимчивости.

1) Перваго рода воспримчивость весьма дешева и встрѣчается у многихъ; она обусловлена извѣстной степенью пошлости воспринимающей души, которой все кажется обыкновеннымъ, извѣстной степенью узкости взгляда, не видящаго ничего, кромѣ стараго горизонта домашняго курятника; а между тѣмъ и даже эту узенькую воспримчивость называютъ способностью, и ей даже бываютъ рады весьма многіе учителя разныхъ изящныхъ искусствъ, встрѣчая ее въ своихъ ученикахъ и ученицахъ. Собственно же говоря, это есть не что иное, какъ способность увидѣть въ новомъ лицѣ, созданномъ художникомъ какого-нибудь Ивана Андреевича или Татьяну Саввишну изъ своихъ знакомыхъ, къ которымъ расположенъ или на которыхъ сердить, и въ такой мѣрѣ и степени привязаться къ новому лицу или оттолкнуться отъ него; способность барышни—самое грозное и безотрадное стихотвореніе Лермонтова примѣнить какъ-нибудь къ своей конфетной страстишкѣ; наравнѣ съ другими, совѣмъ гладенькими стихами—способность легко запомнить голый ходъ мотива какой-нибудь народной пѣсни, не обративъ ни малѣйшаго вниманія на ходы голосовъ, видоизмѣняющіе характеръ простыхъ нотъ, на уклоненія, дорогія для того, кто дорожить и поражается особенностью; способность портретиста придавать общій, сходный, праздничный и красивый характеръ всѣмъ фізіономіямъ, уловляя легко родовыя черты. Вотъ какая это способность! и бѣда, если она обращается на что-либо совѣмъ особенное, на народное. Многія народныя пѣсни я лично не могу слышать, потому что имѣлъ несчастье слышать, какъ уловляли ихъ тексты и мотивы. Такія способности, большею частію весьма самолюбивы и имѣютъ большія претензіи на легкое и быстрое воспринятіе новаго. Богъ съ ней, съ этой губительной, мертвящей и опошляющей все способностью! Съ такой способностью человѣкъ въ сферѣ новаго явленія ни заѣзжій гость, ни хозяинъ, ужъ конечно, а просто лопарь, который всюду видитъ свое мутное небо, своихъ божковъ и т. д. Еще разъ, Богъ съ ней, съ этой способностью!

2) Второго рода воспримчивость совершенно противоположна первой. Людямъ, одареннымъ ею въ той или другой степени, преимущественно кидаются въ глаза во всякомъ новомъ явленіи его рѣзкія особенности, его исключительныя стороны; такъ, напримѣръ, въ языкѣ какого-либо сословія только однѣ его странности, въ какомъ-либо мотивѣ только одна чудная сторона его, въ ти-

пѣ—стороны наиболѣе рѣзкія, наиболѣе отдѣльныя, или лучше сказать, отдѣляющія типъ отъ другихъ. Такого рода воспримчивость выразится, конечно, въ рабской копировкѣ особенностей явленій,—и все жесткое, мертвое, сухое, что находится вообще въ копировкѣ, хотя бы и самой лучшей, заключается въ этой воспримчивости.

3) Наконецъ, третьяго рода воспримчивость самая рѣдкая и самая дорогая; она, какъ талантъ, безконечна и разнообразна и ее въ опредѣленіе не уловишь.

Одинъ самородокъ музыкальный, котораго я зналъ и знаю, происхожденіемъ ярославецъ, былъ сперва приказчикомъ въ одномъ заведеніи, въ глухой сторонѣ Москвы¹⁾). Голосъ у него объема необычайнаго: верхнее сі беретъ онъ грудью; ухо такое, что разъ-два прослушаетъ романсъ, и если романсъ ему пришелся по душѣ—онъ его поетъ совершенно вѣрно, измѣняя только по-своему нѣкоторыя украшенія, весьма часто не ко вреду, а къ пользѣ романса. Пѣсня его свободна; она не продается, а дарится пріятелямъ, и цѣлые долгіе вечера готовъ онъ пѣть, когда видитъ, что слушатели *чувствуютъ*, и чѣмъ больше поетъ онъ, тѣмъ боль-

1) Это — нѣкій *Соболевъ*, о которомъ С. В. Максимовъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ Островскомъ сообщаетъ слѣдующія любопытныя свѣдѣнія: „Въ числѣ пѣвцовъ выдѣлялся розысканный въ погребкѣ на Тверской приказчикъ, торговавшій на отчетѣ — М. Е. Соболевъ, ярославецъ родомъ, владѣвшій, что называется, серебрянымъ голосомъ: высокимъ, звучнымъ и чистымъ теноромъ, ловко и умѣло припоровленнымъ къ заунывнымъ деревенскимъ пѣснямъ. Стремился онъ, впрочемъ, доморошеннымъ вкусомъ, къ чувствительнѣйшимъ романсамъ и аріямъ изъ оперъ, по увлеченію знаменитымъ и несравненнымъ театральнымъ пѣвцомъ Бантышевымъ. Въ пѣснѣ Торопки: „Близко города Славянска“ Соболевъ немного походилъ на Бантышева, въ исполненіи „Размолодчиковъ“, „Не бѣлыхъ сѣгговъ“ и „Вспомни, любезная, мою прежнюю любовь“ — имѣлъ соперника только въ одномъ Т. И. Филипповѣ. Слушать его сходились такіе мастера пѣнія, какъ старикъ-цыганъ, родной братъ Матрены, восхищавшей Пушкина, старикъ купеческой осанки, знавшій много старинныхъ былинь. Видывали здѣсь и Ивана Васильева, извѣстнаго и въ Петербургѣ содержателя самаго лучшаго хора, почтеннаго и всѣми уважаемаго человѣка, который и въ компаніи Островскаго пользовался должнымъ вниманіемъ и любовью. Здѣсь же, въ погребкѣ, перѣдко засѣдалъ театральнѣйшій пѣвецъ Климовскій, пѣніемъ котораго одинъ любитель восхитился до того, что назначилъ ему ежегодную пенсію... Во всякомъ случаѣ этотъ погребокъ Зайцева (по вывѣсочной надписи Zeizow) былъ своего рода клубомъ. Для посѣтителей изъ любителей пѣнія предоставлено было особое помѣщеніе наверху, надъ погребкомъ, въ видѣ довольно просторной залы“.

ше входить въ лирическое состояніе. Тѣ немногія народныя пѣсни, которыя встрѣтятся промежду романсовъ и споются только для охотниковъ до этого дѣла, какъ-то: „Вспомни“, „Не одна-то во полѣ дороженька“, „Улетаетъ мой соколикъ“ и нѣкоторыя другія, доведены уже до той художественности, до той типичности мотива, въ которой исчезаютъ и сливаются мѣстные разнообразія, такъ-что музыканту остается лишь записывать, очищая только отъ нѣкоторой вкравшейся случайно примѣси цыганщины. Мнѣ случилось разъ слышать этотъ необыкновенно-сильный и вмѣстѣ сладкій теноръ въ соединеніи съ сильнѣйшимъ женскимъ контральто такого же самородка, съ контральто, развитымъ частымъ упражненіемъ: вѣроятно, никакія ученые диссертациі не разъяснили бы мнѣ характера великорусской пѣсни, какъ одна ночь этого пѣнія, широкаго, могучаго, переливающегося тихимъ огнемъ по жиламъ. Пѣсни лились, лились, одна другой шире, одна другой переливистѣе. Душа расширялась вмѣстѣ съ пѣснью, которая такъ и дышала свѣжимъ воздухомъ великорусскаго края... И многими такими освѣжающими душу ночами обязанъ я, какъ обязаны многіе, нашему самородку.

Другого самородка въ дѣлѣ народнаго пѣнія я имѣю право назвать по имени, потому что онъ болѣе или менѣе извѣстенъ всѣмъ посѣщающимъ русскій театръ: это О. Л. Лазаревъ, въ пѣніи котораго, хотя и подъ сильнымъ вліяніемъ цыганщины, дорогá, однако, другая сторона русскаго пѣнія: восхожденіе фистулою до самыхъ верхнихъ звуковъ, и плясовой, поджигающей характеръ чувства ¹⁾.

Наконецъ, третій типъ пѣвца-самородка, но самородка развитаго глубокимъ мышленіемъ и наукою, типъ единственный и изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ совершеннѣйшій ²⁾. Пѣніе народнаго пѣсника было, и вѣроятно, есть, для него служеніе: поэтическая и музыкальная натура руководитъ его выборомъ; различные оттѣнки мотива пѣсни, оттѣнки личные или мѣстные, у него какъ-то сами-собою очищаются и сливаются въ одинъ типъ, совершенно уже чистый, ибо онъ счелъ бы преступленіемъ прибавить хоть

¹⁾ *Лазаревъ*—артистъ Московскаго театра, выступавшій между прочимъ и въ произведеніяхъ Островскаго,—напр., въ комедіи „Бѣдность по порокъ“.

²⁾ Григорьевъ пѣветъ здѣсь въ виду *Т. И. Филиппова*, прекраснаго знаатока и исполнителя русскихъ народныхъ пѣсенъ; о роли его въ кружкѣ „молодой редакціи Москвитянина“ см. въ предисловіи. *Примѣч. В. С.*

одно искусственное украшеніе къ чистотѣ мотива, или исказить спокойную широту его чуждымъ, цыганскимъ элементомъ страстности. Весь пламень чувства у него въ вибраціи голоса, особеннымъ образомъ, какъ-будто нарочно устроеннаго для великорусской пѣсни, голоса, способнаго тянуться долго до безконечности, подниматься фистулою на высоту и дрожать груднымъ тембромъ, колебаться волнообразно и даже ныть, какъ ноетъ сердце. Чисто типическое, даже археологическое пѣніе едва-ли найдетъ такого другого представителя.

Удивятся, вѣроятно, многіе, что, заговоривъ о типахъ пѣвцовъ, поющихъ русскія пѣсни, я не упоминаю о многихъ извѣстныхъ на этомъ поприщѣ. Я скажу одно, что всѣ они—пѣвцы или пѣвицы отличные, но къ народной пѣснѣ относятся неправильно: они не ее поютъ, не ее любятъ, а высказываютъ въ ней тѣ или другія блестящія стороны своихъ талантовъ. Такъ одной, напри-мѣръ, удаются въ пѣніи вообще мѣста патетически-плачевныя и, вслѣдствіе этого, все тоскливое, что попадаетъ ей въ русской пѣснѣ, она доводитъ до вытья; другому Богъ далъ много бойкости, размашистости, удали: онъ эти качества переноситъ во всякую русскую пѣсню; на нихъ, какъ говорится, и выѣзжаетъ. Избави Богъ, если музыкантъ, собирающій и обрабатывающій мотивы, знакомъ только съ такими источниками, какъ послѣдніе, нами упомянутые; но жаль, если не познакомится онъ съ тѣми или другими законными сторонами пѣнія, которыхъ образчики мы привели и которымъ подобныхъ, вѣроятно, на Руси много.

Что касается до пѣвцовъ, поющихъ съ нѣкоторымъ искусствомъ хоромъ, то это суть или пѣсенники или цыгане.

Прежде всего скажу нѣсколько словъ о цыганахъ, которыхъ пѣніе подвергается фешенебльному презрѣнію многихъ господъ, и между-тѣмъ, благополучно продолжаетъ и, вѣроятно, надолго, какъ элементъ самобытный, продолжать свое существованіе.

Цыгане представляютъ явленіе совершенно особенное въ музыкальномъ отношеніи. Объ этой ихъ особенноти здѣсь распространяться не мѣсто. Желających знать дѣло въ подробности я прямо могу въ настоящее время отослать къ живой и замѣчательно-даровитой книгѣ Листа ¹⁾, послѣ которой фешенебельныя отношенія свысока къ музыкальности этого племени должны умолкнуть.

¹⁾ „Des Bohémiens et de leur musique en Hongrie“. Leipzig, 1859.

Цыгане—племя съ врожденною музыкально-гармоническою—замѣтите: гармоническою, а не мелодическою способностью; и я думаю, что роль ихъ, въ отношеніи къ племенамъ славянскимъ, заключается въ инструментовкѣ славянскихъ мелодій, что они и дѣлаютъ, или по крайней мѣрѣ дѣлали до сихъ поръ. Всякій мотивъ они особеннымъ образомъ гармонизируютъ, и у нихъ, кромѣ удивительно - оригинальныхъ, иногда удивительно - прекрасныхъ ходовъ голосовъ и особенности въ движеніи или ходахъ голосовъ также ничего нѣтъ, хотя именно эти *ходы* и это особенное движеніе, которое можно уподобить явно - слышному біенію пульса, то задержанному, то лихорадочно-тревожному, но всегда удивительно правильному въ своей тревогѣ, составляетъ для многихъ обаяніе цыганской *растительной* гармоніи. Цыгане, какъ племя дикое, обладаютъ непосредственностью воспримчивости и бросаютъ нѣкоторый свѣтъ на самый вопросъ о непосредственной воспримчивости. Многие, не хорошо знакомые съ особенностью природы этого племени, заподозрѣваютъ нѣчто искусственное въ ихъ вспыскахъ и бѣснованіи, нѣкоторую аффектацію, и говорятъ, что если есть что-либо оригинальное въ цыганствѣ, то только въ цыганствѣ дикомъ. Кто говорилъ это, тотъ, какъ я могу утверждать навѣрное, не слыжалъ дикихъ цыганъ и не вникъ въ характеръ цыганства. Опять повторяю, что оригинальныхъ мелодій Богъ не далъ цыганамъ; онъ далъ имъ чувство инструментивное, наклонность къ страннымъ, оригинальнымъ ходамъ голосовъ, гармоническую способность; и нечего удивляться, что они съ цыганскимъ *чувствомъ* поютъ какой-нибудь пошлый романсъ, нечего заподозрѣвать въ ихъ порывахъ аффектацію. Ни одного романса, хорошаго или пошлаго, будетъ ли это „Скажи, зачѣмъ“, „Не отходи отъ меня“ Варламова, или безобразіе въ родѣ романса „Ножка“, не поютъ они такимъ, какимъ создалъ его авторъ: сохраняя мотивъ, они гармонизируютъ его по-своему, придадутъ самой пошлости аккордами, вариациями голосовъ, или особеннымъ біеніемъ пульса свой знойный, страстный характеръ,—и на эти то аккорды отзывается *всегда* ихъ одушевленіе, этой вибраціей дрожать ихъ груди и плечи, это біеніе пульса переходитъ въ цѣлый хоръ. Эта отзывчивость не есть личная, а типовая, невольная, обязательная для всѣхъ, всегда повторяющаяся, ибо она всегда пробуждаетъ въ натурѣ ихъ извѣстныя струны. Натура всегда отзывается на впечатлѣнія, которыя увлекаютъ ее въ

міръ ей родственный, сколько бы разъ впечатлѣнія эти ни повторялись...

Изъ этого слѣдуетъ, что цыгане важны, какъ элементъ, въ отношеніи къ разработкѣ музыкальной стороны нашей пѣсни, и здѣсь для всякаго, знающаго дѣло, значеніе ихъ несомнѣнно. Ихъ манера придаетъ нѣкоторымъ изъ нашихъ пѣсенъ, какъ, напримеръ, „Пряха“, „Ивушка“, особенный, страстный колоритъ. Кромѣ того, какъ пѣвцы по ремеслу, они сохраняютъ множество текстовъ и мотивовъ. Въ собраніи Павла Ивановича Якушкина встрѣчается нѣсколько пѣсенъ, записанныхъ мною подъ пѣніе цыганъ, и пѣсни эти не изъ худшихъ, а изъ лучшихъ. Таковы „Пѣсня о хмель“, „Какъ на славной было улицѣ на Дмитровкѣ“, „Исходила младенька“; эта послѣдняя особенно замѣчательна и по тексту и по мотиву.

Такому сохраненію у цыганъ старыхъ текстовъ и мотивовъ способствуетъ много то упомянутое мною качество ихъ, которое я назвалъ отсутствіемъ въ нихъ оригинальности собственной. Племя бродячее, племя, хранившее только одну свою *натуру* (какъ данна) чистою и неприкосновенною—цыгане, по дорогѣ ли странствій, на мѣстахъ ли, гдѣ они остепенились, какъ у насъ—захватывали и усваивали себѣ то, что находили у разныхъ народовъ. Самый языкъ ихъ, сохранивъ явно санскритскія коренныя слова, иринялъ въ себя множество разныхъ, преимущественно славянскихъ элементовъ.

Чисто-цыганскихъ пѣсенъ мнѣ удалось записать только три. Эти три очень характеристичны и вполне подтверждаютъ высказанное мною мнѣніе о цыганахъ. Въ нихъ выражается вполне типичность племени, звучатъ родовыя преданія, отражается бродячая и горькая судьба цыганъ, а между тѣмъ по языку они представляютъ какую-то хаотическую амальгаму, по мелодіи (въ этомъ прошу повѣрить мнѣ на-слово) они нисколько не оригинальны.

Вотъ эти пѣсни съ подстрочнымъ буквальнымъ переводомъ:

I.

Тэ зэлэндуба.

Зеленый дубъ

Тэ зэлэндуба, тэ зэлэненька,

(Ты зеленый дубъ, ты зелененькій)

Тэ зэлэненька, тэ дубровенька

(Ты зеленая, ты дубровушка),
Тэ я листьа лья, тэ бумажнэнька
(У тебя ли листьа шелковыя),
Тэйо мурицы, тэйо мутэнгирэ
(Твои ли жолуди жемчужные).
Тэй корипизо, тэй рутэвенько
(Само ль ты дерево все золотое)

и т. д. Это, видите ли, обращеніе цыгана къ широкому старому дубу, пріютившему его съ его семьею во время невзгоды.

II.

Скеденту мэ ромалэ, скеденту мэ чавалэ
(Сбирайтесь старики, собирайтесь молодые),
Кэ малю скэри шатра, тенэнту мэрада
(Къ старостину шатру, держите совѣтъ),
Энъ йовъ джала урняла, прэси вонэ грэстѣ
(Онъ ѣдетъ, летитъ на своемъ сѣромъ конѣ),
Прэси вонэ грэстѣ, адрелолэ чарэстѣ
(На сѣромъ конѣ, въ красномъ кунтушѣ) и т. д.

III.

Ай кэрдя же о чаворо
(Ай сдѣлалъ же парень)
Трин биды глощыны
(Три бѣды, три уголовья):
Перва бѣда тэлэ чидя
(Первую бѣду долой сбросилъ)
Пэекире скарбаса
(Онъ своею казною),
А о вавирь тэлэ чидя
(А вторую бѣду долой сбросилъ)
Пэскоре гадяса
(Своимъ умомъ—разумомъ),
А э трито тэлэ чидя
(А третью бѣду долой сбросилъ)
Пэскирэ ромняса
(Своей молодой женою.)

Три эти вещи я записалъ у цыганъ съ буквальною, по возможности точносью: цыгане же мнѣ ихъ и переводили. А вотъ вамъ образчикъ самой дикой смѣси языковъ—одна изъ употребительнѣйшихъ, собственно цыганскихъ пѣсенъ:

Ой нэбо, нэбо, Ваничка,
Болишь больно сердечко

Ой да малэстэ шэралэста
Діудунь да синграйя.

Или въ извѣстной пѣснѣ:

Ты Настасья, ты Настасья,
Отворяй-ко ворота...

Куплетъ цыганскій:

Коль одэна дендэнвлэса,
Аль одэна синкамэна,
Аль одэна синкамэна
Фэдирь мэндирь налаттэна.

Примѣровъ этихъ, вѣроятно, достаточно для доказательства справедливости моихъ замѣчаній о цыганахъ.

Это народъ пѣвучій по натурѣ, но которому самому нечего пѣть, и тѣмъ самымъ они очень важны въ дѣлѣ сохраненія и развитія *нашей* пѣсни.

Отъ цыганъ съ ихъ все-таки артистическою натурою какъ-то тяжело переходить къ нашимъ хорамъ пѣсенниковъ, которыхъ и здѣсь въ Петербургѣ можно слышать по разнымъ гуляньямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что между ними есть люди даровитые, но, вообще-то говоря, никто такъ не портитъ русской пѣсни, какъ солдаты и эти вольнопрактикующіе хоры пѣсенниковъ.

Пѣвцы, то-есть поющіе съ нѣкоторымъ искусствомъ, обыкновенно аккомпанируютъ себѣ на какомъ-либо инструментѣ, на бала-лайкѣ или на семиструнной гитарѣ, до игры на которыхъ, равно какъ и до нѣкоторой степени искусства въ пѣніи, доходятъ они большею частью самоучкою. Знаменитый Высоцкій былъ собственно такого рода гениальный самоучка. Всѣмъ извѣстно, до какой степени художественно обрабатывалъ онъ прочувствованныя имъ мотивы; въ обработкѣ темы, напр., „Пряди моя пряжа“, или „Зеленая роща“, или, наконецъ, „Ахъ, матушка, тошно“ (ибо пѣсня начинается тѣми, или другими, или третьими словами)—такъ и слышатся слова:

Ахъ, матушка, тошно,
Сударыня грустно...
Сердечушко ноетъ,
Ноетъ-занываетъ,
Миль про то не знаетъ...

Но и кромѣ Высоцкаго, самородка-генія, многимъ самородкамъ-талантамъ, въ большей или меньшей степени, удается иногда

схватить въ мотивъ такія существенныя стороны, подмѣтить такія тонкія особенности, которыя не мѣшаетъ принимать къ свѣдѣнію многимъ ученымъ музыкантамъ. Важное дѣло тутъ то, что самородокъ фантазируетъ всегда на мотивъ, который душѣ его дался, съ которымъ слились у него, можетъ быть, многія веселыя или тяжелыя минуты его жизни, его сердечныхъ увлеченій, его отчаяннаго кутежа, и т. п.

Лѣтъ восемь назадъ, пребывавъ въ одномъ московскомъ трактирѣ, у Каменнаго моста, торбанистъ съ талантомъ необыкновеннымъ, именемъ Алексѣй, извѣстный многимъ, которые слышали его игру. На всей истощенной наружности этого блѣднаго, молодого человѣка лежала печать какой-то тоски, какого-то неудовлетворенія: въ самыхъ веселыхъ звукахъ слышались у него какіе-то жалобные стоны, и кто помнитъ, какъ фантазировалъ онъ на извѣстный мотивъ цыганской венгерки, какъ этотъ мотивъ, веселый только по внѣшнимъ своимъ формамъ, но въ сущности томительно-тоскливый, лился у него изъ-подъ пальцевъ съ безконечнымъ разнообразіемъ, занывая постоянно, какъ занываетъ сердце, тотъ пойметъ, почему мы придаемъ, въ отношеніи къ народнымъ мотивамъ, такое значеніе торбанистамъ, гитаристамъ, балалаечникамъ и проч. Кромѣ того, торбанисты и гитаристы поютъ еще разные романсы, большею частью унылые, а иногда слишкомъ веселыя пѣсни, въ которыхъ, *можетъ быть*, подъ слоями новыми и крайне циническими, скрываются слои стараго скоморошничества. Вообще, не должно обѣгать ни одного самородка: которая-нибудь сторона да найдется въ немъ живая, существенная, нужная.

Послѣдній источникъ, и самый богатый, какъ матеріаль, это нѣвцы и пѣвицы для собственнаго удовольствія и хороводы. Распространяться объ этомъ источникѣ нечего: мы говорили подробно о томъ, что обѣгается понапрасну, а это ужъ источникъ явный, неизбѣжный. Нельзя не замѣтить только, что есть такія счастливыя, даровитыя организациі изъ женщинъ, поющихъ ли подъ окномъ за работою, въ веселой ли бесѣдѣ, съ пѣнія которыхъ прямо записывай и тексты и музыку: поэтическое и музыкальное чутье въ такихъ довольно притомъ нерѣдкихъ натурахъ, поистинѣ поразительно. Иная, напримѣръ, допоеетъ пѣсню до извѣстныхъ стиховъ только, и окончитъ: приглядитесь хорошенько и вы увидите, что дальше пойдутъ стихи вставочные изъ другой

пѣсни, или дѣланные или, какъ она назоветь, *дурашныя*. Чувство музыкальнаго такта врожденно точно такъ же такой натурѣ и ни одной ошибки не найдетъ ученый музыкантъ въ ея дѣленіи мотива на такты, въ растягиваніи или ускореніи звуковъ, и т. д. Вотъ такія-то натуры и суть самые драгоценныя источники.

V.

Теперь слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ обхожденіи съ источниками, о томъ, въ какомъ видѣ представляются источниками самые матеріалы, то-есть пѣсни. Въ этомъ отношеніи я могу сообщить только нѣсколько практическихъ замѣчаній, до которыхъ дошелъ я опытомъ, и мои замѣчанія, какъ всякія личныя и опытыя, подлежатъ разбору и оцѣнкѣ каждаго и только тогда, разумѣется, получать какое-либо значеніе, когда будутъ провѣрены опытами другихъ.

Прежде всего я позволяю себѣ еще разъ высказать то убѣжденіе, что чисто-археологическія стремленія въ дѣлѣ собиранія пѣсенъ ни къ чему не ведутъ, какъ всякая *платоническая* страсть.

Въ пѣснѣ, новой по содержанію, встрѣтятся иногда совсѣмъ старыя или, лучше, коренныя взгляды, и тѣ общія подробности, въ которыя, какъ въ готовыя уже, изстари ведущіяся формы, укладывается новое содержаніе. Приведемъ примѣръ. Пусть припомнятъ читатели наши изъ Якушкинскаго собранія пѣсню, довольно, впрочемъ, ходячую, начинающуюся такъ:

Не шумите-ко вы, ахъ, да вы лѣса темныя!

За этимъ началомъ, представляющимъ собою совершенно-готовыя и преданіемъ завѣщанныя формы, идутъ ¹⁾ нѣсколько стиховъ, относящихся, какъ и событіе, составляющее ихъ содержаніе, къ временамъ новымъ, конечно, но вслѣдъ же затѣмъ, проводы и прощаніе опять носятъ типическій характеръ:

Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошенько,
Хорошенько... и т. д.

Дѣло въ томъ, какъ я уже замѣчалъ, что коренной, старый взглядъ живетъ въ новомъ, что законы творчества пѣсни одни и

¹⁾ Послѣ стиха: „По неволюшкѣ, да все по милому дружкѣ“.

тѣ же, что старыя поэтическія формы хранятся доселѣ, какъ завѣтный кладъ; надобно только торопиться собирать эти сокровища, къ сожалѣнію, замѣщаемыя „образованными“ романсами. До какой степени, не только старыя формы, но часто самое старое, до-Петровское содержаніе цѣлѣтъ въ народѣ—можетъ показать, напримѣръ, слѣдующая пѣсня, сравнительно составляющая, впрочемъ, уже рѣдкость. Поразительное свойство ея, кромѣ всякаго поэтическаго и народнаго достоинства, есть противоположность напѣва, почти плясового, съ содержаніемъ совершенно трагическимъ:

У воротъ сосна раскачалася,
Ай люли-люли раскачалася:
Бѣлая Дунюшка разъигралася,
Ай люли-люли разъигралася:
Какъ боярскій сынъ на крыльцѣ стоять,
Ай люли-люли на крыльцѣ стоять.
Какъ боярскій сынъ Дунѣ рѣчь говорить,
Ай люли-люли Дунѣ рѣчь говорить:
„Поиграй¹⁾), Дунюшка, поиграй, бѣлая:
Ай люли-люли, поиграй, бѣлая.
Я тебя, Дунюшка, жить къ себѣ возьму,
Ай люли-люли жить къ себѣ возьму“.
Бѣлая Дунюшка испужалася,
Ай люли-люли испужалася.
Какъ со вечера голова болить,
Ай люли-люли голова болить;
Ко полуночи она.....
Ай люли-люли.....
Ко бѣлу свѣту ужъ нѣтъ Дунюшки,
Ай люли-люли нѣту Дунюшки.
Какъ въ Москвѣ звонять ко обѣденкѣ,
Ай люли-люли ко обѣденкѣ;
Бѣлую Дунюшку хоронить несутъ,
Ай люли-люли хоронить несутъ.

Конечно, такая пѣсня поразить и археолога; но не менѣе поразительны поэтическія формы, въ которыя вкладывается новое иногда содержаніе. Въ примѣръ обилія и красоты ихъ приведемъ еще пѣсню, тоже не очень рѣдкую, но никѣмъ не записанную:

Ахъ, что есть ли въ полѣ за травушка, за муравушка
За муравушка...
Она день ли цвѣтетъ, ночь алѣется,
Ночь алѣется...

1) Поется „лыграй“.

По чисту-то полю она разстиается,
Разстиается..
Что по мнѣ-ли мой милой другъ сокрушается,
Сокрушается..
Что за мпльй другъ, да что за душа моя!
За душа моя..
Изушилъ-то милой меня суше травушки,
Суше травушки..
Ужъ какъ той ли травы—травы подкошененькой
Подкошененькой..
Не спалось-то мнѣ молодой—молодой почкой темною,
Ночкой темною..
На бѣлой-то я на зарѣ млада—млада чуть забылася,
Чуть забылася..
Будто мой высокъ теремъ—теремъ растворень стоитъ,
Растворень стоитъ..
Всѣ окошечки—окна вонъ новыпнуты,
Вонъ повынуты..
Всѣ окошечки—они распечатаны,
Распечатаны..
Ужъ какъ то-ли мой милой сидитъ, собирается,
Собирается..
Ты куда, куда, милой собираешься?
Собираешься..
Во какую путь-дороженьку, милый, отправляешься?

Наконецъ, нельзя пренебрегать и самыми искаженіями пѣсенъ, даже явными. Искаженія (подразумѣваются народныя, а не ученыя) бываютъ двухъ родовъ:

а) Или пѣсня-типъ замѣняется вариантомъ, сравнительно скуднѣйшимъ: у иного поющаго плоха память на удержаніе богатыхъ формъ, и въ цѣлости остается только голое содержаніе пѣсни;

б) или пѣсня-типъ смѣшивается съ другой пѣсню-типомъ, такъ что съ середины, съ конца даже, идетъ приставка.

Примѣръ перваго мы видѣли въ бѣдномъ вариантѣ: „Калину съ малиной вода поняла“, напечатанномъ въ сборникѣ г. Сахарова.

Чтобы пояснить происхожденіе второго рода искаженій, раскрываемъ пѣсенникъ съ великолѣпнымъ заглавіемъ (С.-Петербургъ, 1818 года). Въ первой части его, на стр. 168, перепечатываемъ безъ измѣненій:

Вспомни, вспомни, мой любезный,
Мою прежнюю любовь,
Какъ мы съ тобой, мой любезный, погуливали,
Осеннія, темныя ночи просиживали,

Забавныя, тайныя рѣчи говаривали:
Тебѣ мой другъ, мой другъ не жениться,
Мнѣ замужь, дѣвкѣ, нейти.
Женись, женись, мой батюшка,
Я замужь, дѣвка, пойду.
Въ чистомъ полѣ, полѣ при долинѣ,
Стоялъ высокъ теремъ;
Въ томъ ли новомъ, новомъ теремочкѣ,
Дѣвушки пѣсенки поютъ;
Знать, что мою любезную
Сговариваютъ.
Среди двора стоитъ крыльцо раскрашенное,
Съ того крыльца вели къ вѣнцу
Красну дѣвицу-душу.
Одинъ ведетъ за рученьку, другому-то жаль,
Третій стоитъ, слезы ронить, любить да не ваяль,
Кормиль, поиль, любезную, все прочиль себѣ,
Доставалась любезная иному—не мнѣ.
Хорошая, пригожая! простися со мной.
И я рада бы простилась, воля не своя.
Какъ жила я у бабушки, мнѣ воля была,
Помнить буду, другъ любезный, всѣ ласки твои,
Какъ сойдемся, обоймемся, дружочекъ съ тобой,
Расходивши, слезы льются, радость-дорогой.

Разсматривая пѣсню, находимъ:

а) Пѣсня напечатана съ пѣнія безсмысленно ¹⁾ но простодушно, простодушнѣй, чѣмъ бы напечаталъ ее г. Сахаровъ. Пѣль эту пѣсню не простой ноющій русскій человекъ, а торбанистъ или гитаристъ, въ трактирѣ, пѣль *съ чувствомъ*; какъ поется „Черный воронъ“ и особенно извѣстный куплетъ:

Посмотри за кустъ зеленой,
Дорожить тамъ придь собой
Пистолеть мой зариженой!
Я не твой, нѣтъ я не твой!

---

¹⁾ Замѣчательная бессмыслица первого стиха: „Вспомни, вспомни, мой любезный“ (бессмыслица явная, ибо дѣло идетъ во всей пѣснѣ о любезной, а не о любезномъ) повторяется, впрочемъ, въ заглавіи многихъ музыкальныхъ вариаций на эту тему, между прочимъ въ заглавіи вариации знаменитаго Сихры *).

Примѣч. А. Григорьева.

*) Андрей Осиповичъ *Сихра*, извѣстный въ концѣ XVIII и первой половинѣ XIX вѣка гитаристъ-виртуозъ и преподаватель, много способствовавшій распространенію въ Россіи игры на гитарѣ; между прочимъ онъ значительно усовершенствовалъ самый инструментъ (см. о немъ статью А. М. Стаховича: „Исторія семиструнной гитары“).

Примѣч. В. С.

куплетъ уму непостижимый, но необыкновенно патетическій. Торбанистъ присочинилъ самъ три послѣдніе весьма чувствительные, но совсѣмъ безсмысленные стиха.

б) Торбанистъ, а слѣдовательно, и тотъ, кто записывалъ съ его пѣнія, смѣшалъ, можетъ-быть, по разбѣянности, можетъ-быть, по недостатку памяти, а, можетъ-быть, и съ пьяну, двѣ пѣсни, два типа, приставивъ середину одной пѣсни къ концу первой.

Теперь представимъ два раздѣльные и законченные въ себѣ типа; одинъ общеизвѣстный, но со всѣми малѣйшими оттѣнками, какіе удалось намъ подмѣтить; другой менѣе извѣстный или извѣстный многимъ только по четыремъ стихамъ, да и то благодаря Аннѣ Ивановнѣ Островскаго ¹⁾).

Вотъ первый типъ, типъ пѣсни, всѣмъ знакомой, въ особенности дорогой тому, кто ее прочувствовалъ самъ, въ извѣстномъ душевномъ состояніи; для него „красоты ея—этой пѣсни и не можно описать“, говоря словами другой пѣсни. Печатаю ее съ запѣвами, ибо она то собственно и раскрыла для меня впервые поэтически-музыкальное значеніе запѣва, его, такъ сказать, уходя въ какую-то неопредѣленную даль:

Вспомни, вспомни, моя любезная ²⁾,
Нашу прежнюю любовь,
Какъ мы съ тобой, моя любезная,
Погуливали,
Погуливали...
Осеннія, долгія ночи
Просиживали,
Просиживали...
Забавныя ³⁾, тайныя рѣчи
Говаривали...
Говаривали...
Тебѣ, мой другъ, мой другъ, не жениться,
Мнѣ замужъ, молодой, нейти
Замужъ не иди...
Передумала красная дѣвица,
Въ одну темную ночь.

1) Въ комедіи „Бѣдность не порокъ“.

Примѣч. В. С.

2) Или: „моя хорошая“.

3) Или: „любовныя“, „сердечныя“, „потайныя“, „сладкія“.

Примѣч. А. Григорьева.

Въ одну темную ночь...
Женись, женись, мой любезный,
Я сама замужъ пойду.

Я сама замужъ пойду...
Въ чистомъ полѣ, полѣ, на раздольи ¹⁾,
Стоялъ новъ-высокъ теремъ.

Стоялъ новъ-высокъ теремъ...
Какъ во томъ ли, новомъ теремочкѣ,
Красныя дѣвицы поютъ ²⁾.

Красныя дѣвицы поютъ...
Знать-то, знать-то, мою любезную
Сговариваютъ ³⁾.

Законченнѣе и цѣльнѣе этой пѣсни трудно что-нибудь себѣ представить. Мы думаемъ, что и торбанисть только съ-пьяна могъ еще продолжать ее серединою другой пѣсни. Нечего говорить о ея внутреннемъ, душевномъ значеніи: оно ярко, наглядно для всѣхъ выступило въ извѣстной высокой сценѣ между Бородинымъ и Дунею, и въ типическомъ же, какъ сама пѣсня, порывѣ: „Помни, Дуня, какъ любилъ тебя Ваня Бородинъ“.

Теперь вотъ другой типъ, который торбанисть и составитель пѣсенника смѣшали съ „Вспомни“.

Ты не пой, не пой, соловьюшко,
Не пой рано весной.
Не давай тоски-назодушки
Сердцу моему;
И такъ мое сердечушко
Изныло во мнѣ!
Изъ-подъ бережка, изъ-подъ крутого
Вода не течеть;
Изъ-подъ камешка, изъ-подъ бѣлаго
Вода ключомъ бьетъ.
За рѣченькой, за быстрою
Зеленъ садъ растеть;
Во этомъ ли во садикѣ,
Черема цвѣтеть.
Несозрѣлую, неспѣлую
Нельзя заломать;

¹⁾ Или: „при долинь“, „при дорогѣ“.

²⁾ Или: „пѣсни дѣвушки поютъ“.

³⁾ Или: „замужъ отдають“.

Не еосватавшись, красну дѣвицу
Нельзя замужь взять.
Я повыгляжу да повысмотрю,
Я тогда возьму ¹⁾,
. . . . . ²⁾
Съ того крыльца ведутъ къ вѣнцу
Красну дѣвицу.
Одинъ ведетъ за рученьку,
Другой за другу,
Третій стоитъ—слезы ронить:
Любилъ да не взять!
Досталася сударушка
Другому, не мнѣ ³⁾!
„Красавица-забавница,
Простимся со мной“.
— Я рада бы простилася—
Кони не стоятъ;
Извощички коломенски
Не смогутъ держать!
„Красавица-забавница,
Взгляни на меня“.
— Я рада бы взглянула бы,
Глаза не глядятъ!
„Красавица-забавница,
Платочкомъ махни“.
— Я рада бы махнула бы—
Платка въ рукахъ нѣтъ!

Въ собраніи южно-русскихъ пѣсенъ г. Метлинскаго ⁴⁾, въ числѣ пѣсенъ чумацкихъ, встрѣчается пѣсня, похожая на эту пѣсню по

1) Или: „возьму за себя“.

2) Тутъ, очевидно, есть пропускъ; намекъ на него находится въ вышепри-
веденномъ искаженіи; но, не смѣя вставлять недостающихъ мѣстъ изъ иска-
женій, мы печатаемъ въ томъ видѣ, въ какомъ записали съ иѣнія.

3) Прибавка торбанистовъ:

Другому, не мнѣ—
Лакею свиньѣ.

Эту прибавку случалось мнѣ слышать и не отъ торбанистовъ. Извѣстны
насмѣшки народа надъ лакействомъ. Алексѣй Алексѣичъ Уксусовъ — до-
вольно общее прозвище, придаваемое народомъ лакеямъ, или, говоря по на-
родному, халуямъ.

Примѣч. А. Григорьева.

⁴⁾ А. Л. Метлинскій—профессоръ Харьковскаго университета, дѣятельный
сборитель памятниковъ малорусской поэзіи. Его сборникъ „Народныя южно-
русскія пѣсни“ (Кіевъ, 1854) высоко цѣнился такими специалистами, какъ
Потебня и др.

Примѣч. В. С.

содержанію, хотя совершенно непохожая на приемы. Вотъ эта пѣсня (стр. 457):

Думав я женытсы, а тепер не буду,
Куплю сыви волю, чумаковать буду.
Идутъ волю, идутъ возы выскрыпуючы,
А чумачок у кабачок вычукуючы.
Зайшло сонце веснянее, стало прыгривать,
Стали волю чумацкіи в степу приставать.
Выкопаю кырныченьку въ степу, въ кремени,
Че не прыйди дивчынонька по воду къ мени.
Аж приходить дивчынонька воды набирать,
Чумак ии за рученьку, та и ставъ жартовать.
Выкопав я кырныченьку, выкопав я дви;
Выкохавъ я дывчиноньку людямъ—не соби.
Авже-ж-з ти кырныченькы орлы воды пьють,
Авже-ж-мою дивчыноньку до шлюбу ведутъ.
Одинъ веде за рученьку, другой за рукавъ;
А я иду, сердцемъ вяну, що любыв та не взявъ.
Ой привелы до церковкы; тепер, ты моя?
Вона йому заплакала: „неправда твоя“.
Ой связалы били ручки: „теперь ты моя?“
Вона стала, отказала: „неволя моя!“

Въ числѣ южно-русскихъ же пѣсенъ встрѣтили мы еще одинъ вариантъ на „Калину съ малиною“ (стр. 255, 256 и 257).

Еще менѣе можно пренебрегать вариациями на одинъ и тотъ же типъ, часто весьма разнообразными. Къ пѣснѣ-типу иногда присовокупляется новое начало, иногда новый конецъ. Такъ, напримеръ, цыгане (которые, между прочимъ, хотя и нещадно коверкаютъ слова пѣсенъ нашихъ и напѣву придаютъ всегда свой собственный колоритъ, но знаютъ ихъ очень много) начинаютъ иногда пѣсню „Вспомни“ такъ:

Вечоръ-то я, молодець,
У дѣвушки былъ:
Сказала мнѣ дѣвушка
Нерадостную вѣсточку,
Все печальную:
Женись, женись, молодець,
Я замужъ пойду.
Вспомни, вспомни, дѣвица, и т. д.

Дѣло въ томъ, что цыгане смѣшиваютъ здѣсь вариацию съ типомъ: вариация, которую они поютъ, начиная такимъ образомъ и сводя на типъ: „Вспомни“, въ народѣ совсѣмъ другая пѣсня, поется

на другой голосъ, хотя явно созддалась подъ вліяніемъ пѣсни-типа и выражаетъ собою то же самое чувство. Вотъ въ какой формѣ варіація существуетъ въ народѣ:

Болишь буйная головушка—
Не знаю какъ быть.
Вечоръ добрый молодець
У дѣвушки былъ.
Сказала-то мнѣ дѣвушка
Нерадостную вѣсть,
Нерадостную вѣсточку,
Все печальную:
„Отстань, отстань, молодець,
Отстань отъ меня,
Перестань-ко удаленькой,
Ты ко мнѣ ходить,
Ты ко мнѣ ходить,
Ты меня любить“.
—Тебѣ ли я, моя любушка,
Не въ любви пришелъ,
Не въ любви пришелъ,
Не подравился?
Вспомни, вспомни, моя милая,
Прежнюю любовь,
Какъ мы съ тобой, моя милая,
Совыкались.
Подъ бѣлою подъ березою
Цаловались,
Подъ горькою подъ осиною,
Разставались.
Подъ горькою подъ осиною травка не растетъ:
Травка не растеть;
Подъ бѣлою подъ березою
Травка зелена ¹⁾;
На этой на травушкѣ
Цвѣты расцвѣли;
На этихъ-то на цвѣточкахъ
Кукушка сидить;
Кукуеть кукушечка,

---

¹⁾ Или, какъ сообщилъ мнѣ покойный М. А. Стаховичъ:

Подъ горькою подъ осиною
Травка высохла,
Подъ бѣлою подъ березою
Травка выросла!

Кукуетъ жалобно,
Жалобнехонько.
Вздыхаетъ-то мой милый другъ
Тяжелехонько.

Въ вариации есть своя красота, встрѣчаются свои особенности, свои типическія выраженія чувства, можетъ быть, перешедшія изъ другихъ пѣсенъ-типовъ: таковъ весь конецъ ея, попадающійся иногда и въ другихъ пѣсняхъ.

Самыя нелѣпыя, явно-дѣланная искаженія, лишь бы только они не сочинены были собирателемъ пѣсенъ, а пѣлись въ народѣ, пѣлись хоть торбанистомъ, могутъ наводить иногда на типы, потому что у народа и въ дѣланномъ даже отзвучатъ отголоски обычныхъ типовъ, напѣтыхъ съ дѣтства слуху, завѣщанныхъ непрерывнымъ преданіемъ: на это-то живое, типическое, собьется всегда почти все дѣланное. Да не посѣтуютъ читатели, если мы и эту мысль нашу подтвердимъ опытомъ. Беремъ опять знаменитый пѣсенникъ. Въ части II, на стр. 158, читаемъ слѣдующую безобразную сшивку изъ разныхъ лоскутьевъ:

Весель я, весель, сегодняшній день,
Радостень, радостень теперешній часъ.
Видалъ я, видѣлъ надежду свою,
Ходитъ, гуляетъ въ зеленомъ саду,
Щиплетъ, ломаетъ зеленъ виноградъ,
Кисти бросаетъ ко мнѣ на кровать:
Спишь ли ты, милой, али ты не спишь?
Слова не молвишь, отвѣта не дашь?
Буду я, буду сама такова:
Слова не молвлю, отвѣта не дамъ.
Аннушка, выйди на красно крыльцо,
Выпьемъ, Анюша, по чарѣ вина
Мы про здоровье твое и мое.
Вспомнишь ли, Аша, вспомнуешь ли,
Какъ мы съ тобой бестдовами,
Ночи осеннія просиживали?
Тайныя рѣчи пробаввали?
Я помню, мой милый другъ, совѣты твои:
Тебѣ не жениться, мнѣ замужь нейти.
Повѣхала надежда на другой городъ,
Женился душа моя, на иной женѣ,
И взялъ дуру-страдницу не лучше меня:
Брови-то у страдницы, какъ быть у совы,
Глаза-то у страдницы, какъ быть у змыи:

*А я душа, Аннушка, ужь вьсьмъ хороша:
Брови-то у Аннушки черна соболя,
Глаза-то у любушки—ясна сокола.*

Все то, въ чемъ слышны отзвывы хотя и порченныхъ типовъ, типовъ, очевидно различныхъ, мы обозначили курсивомъ. Остальное, если и вариации, то непремѣнно лакейскія, но тѣмъ не менѣе присутствіе типовъ очевидно. Перваго типа мы не слыхивали, второй—извѣстенъ; третьяго мы не знаемъ, но изображеніе дуры-страдалицы намекаетъ на его существованіе. Нѣчто подобное, не образами, но мотивомъ, чувствомъ, встрѣчаемъ мы въ слѣдующей пѣснѣ, записанной нами съ пѣнія:

Не женись ты, не женись, душа, холостой парень!
Если женишься, мой другъ, послѣ успокаешься;
Перовна-то, неровна жененка навяжется...
Навязалася шельма-жена, подлая, негодная:
Ужъ и день придетъ—она журьбой пойдетъ,
Во всю темную ночь уснуть не даетъ,
На рукѣ-то, шельма, лежить—во глаза, шельма, глядитъ,
Цаловать она себя, шельма, велить...

Вообще можно положить за правило, что нѣтъ искаженія, которое не наводило бы на типъ. Вы скажете простому человѣку, нѣсколько стиховъ изъ искаженія, посреди которыхъ попадаетъ хоть одинъ стихъ типическій: „эта пѣсня не такъ поется“, скажетъ онъ и, по поводу одного типическаго стиха, споетъ такую пѣсню, которой вы и не слыхивали, которой вы совсѣмъ не ожидали.

Задача въ томъ только, чтобъ попадать на свѣжіе настоящіе источники; скажутъ, что въ этомъ-то и заключается величайшая трудность, но можно отвѣтить прямо: трудность не въ отысканіи источниковъ, а въ умѣнни относиться къ источникамъ.
